

☆☆☆ ДАНИЛ ☆☆☆

КОРЕЦКИЙ

АНТИКИЛЛЕР-6

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ТОЧНО
НЕ ОТМЕРИШЬ

Антикиллер

Данил Корецкий

**Антикиллер-6. Справедливость
точно не отмеришь**

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Корецкий Д. А.

Антикиллер-6. Справедливость точно не отмеришь /
Д. А. Корецкий — «АСТ», 2016 — (Антикиллер)

ISBN 978-5-17-090300-9

В бурлящем котле криминальной жизни Тиходонска всплывает новая «серия»: убийства владельцев дорогих автомобилей, которые, при этом, не угоняют. Криминальный «почерк» выдает женскую руку, и уголовный розыск начинает отработку девушек легкого и полuleгкого поведения, в число которых неожиданно, но закономерно, попадает молодая жена начальника УР Коренева. А тут еще в город возвращается Координатор из сгинувшей банды Колдуна, который хочет получить с Коренева большой долг, на Лиса восстанавливается неисполненный «заказ», и получается так, что все неожиданные предсказания красавицы-цыганки сбываются одно за другим. Борьба с криминалом хитроумного Лиса на этот раз затрудняется проблемами в личной жизни. Сможет ли он выйти победителем из ситуаций, которых с ним не случилось за все годы службы в уголовном розыске?

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090300-9

© Корецкий Д. А., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Глава 1	6
Рядовое происшествие	6
Лис	9
Миледи Из дневника	12
Глава 2	16
Боцман	16
Смерть Буржуя	20
Глава 3	24
Берц	24
Цифра	26
Клоп	30
Глава 4	35
Неизвестный	35
Лис	37
Цыга и Лала	39
Незнакомец	41
Серия	43
Лис и неизвестный	46
Глава 5	51
Цифра	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Данил Аркадьевич Корецкий, Справедливость точно не отмеришь

© Корецкий Д.А.

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Глава 1

Похлебка из отходов жизни

Жизнь – это котел, в котором кипит варево, желанное для одних, противное для других и несъедобное для третьих. Впрочем, для некоторых готовят в отдельной кастрюле.
(Умозаключение автора)

Рядовое происшествие

История совершенно обычная, рядовая. На «Золотой Миле» подобные вещи творятся сплошь и рядом. И если бы не глупая случайность, никто, кроме Цыги и Ахмета, о ней не узнал, да и они сами забыли бы спустя недельку-другую.

Но случилось то, что случилось.

Девчонке было лет восемнадцать-двадцать, родом откуда-то из Степнянска. Детдомовская. Приехала в Тиходонск с компанией таких же оторв, как сама – в медучилище поступать. Кто-то поступил, кто-то нет. Ей повезло. Жила в общежитии, даже первый курс худо-бедно закончила. Потом познакомилась с парнем-наркотом. Села на героин. Отоваривались у Цыги-старшего, поскольку Цыга открывает «кредиты» и рожа у него вполне благообразная. Когда долг перевалил за двадцать тыр¹, парень куда-то исчез, телефон его перестал отвечать. А девчонке было предложено отработать. Как Цыга делает: не орет, не пугает, говорит спокойно – в доме, мол, приберись, во дворе подметись, ничего особенного. Часть долга, говорит, тебе за это прощу, и можешь топать домой. А там коттедж трехэтажный, и пристройка, и двор десять соток. Весь день в мыле, и все равно не успеть. И ручки-ножки уже дрожат, организм требует вливания. Цыга все понимает: он и в дозу не откажет, и даже в баньке позволит помыться, да еще спинку потрет, и в пристройку переночевать пустит. А если кто из цыгиных друзей, знакомых или случайных гостей захочет – может пользоваться ее по женской линии, как пожелает, а оплату опять же, хозяину... Она и не против: «винт»² возбуждает, да и человеческое общение как-никак... Вот только это ей в зачет не идет: завтра опять придется отрабатывать. Уже с учетом новой дозы. А завтра повторится то же самое. И послезавтра. А потом из пристройки придется перебраться в сарай – «летний домик», так называет его Цыга. «Воздух свежий, приятный, много здоровья будешь иметь!»... Уговоры, обещания – все пустое. Даже в баньку с ней не пойдет, пусть не просит, уже товарный вид потеряла. Цыге-старшему она уже не интересна. Ему интересны деньги, прибыль. Работа. Да и остальные мужчины на нее уже не смотрят – подурнела девчонка, опустилась, перешла в другую категорию, для утех негодную...

Так она перекапталась у Цыги четыре месяца. Вместо шампуня – хозяйственное мыло. Обьедки. Одежда пачкается, рвется от работы. А доза бывает не всегда – «ленишься часто, нехорошо!» – говорит Цыга. Пыталась убежать. Избили. Что-то сломали – погорячились. И однажды утром нашли ее в летнем домике мертвой. То ли от побоев, то ли от абстиненции окочурилась – неизвестно. Что ж, бывает и такое... Никто не удивился.

¹ Тыр – тысяч рублей (сленг).

² «Винт» – сленговое название наркотика.

Здесь алгоритм простой, все наработано. Водитель Ахмет ночью вывозит труп за город, в лесопитомник, он знает хорошие места, и там закапывает, присыпав хлоркой, чтобы животные не раскопали – собаки там бродячие, а то и дикие кабаны...

В этот раз он был слегка «датый», но все равно поехал. Цыга не любит, когда в доме трупы. Когда поворачивал на Восточный объезд, не рассчитал скорость – машина вылетела в кювет и перевернулась. Ахмет кое-как выбрался из салона, успел набрать Цыгу:

– Я на объезде в аварию попал...

И вырубился. А когда пришел в себя, вокруг уже суетились гайцы.

– Пил?

– Чуть-чуть совсэм...

– А девушка твоя?

Он сперва не сообразил. Потом увидел – крышка багажника отлетела, девчонка лежит на обочине.

– Какой девушка? Не знаю, не помню!

– Колись, урюк, что с ней сделал?

– Ничего не делал, такой и был! Чэсный слово!

Вовремя подъехал капитан Теслюк – он крышует «Золотую Милю». Переговорил с «гайцами», с врачами «скорой», которая появилась почти одновременно с ним, сделал несколько звонков. Быстро и профессионально все утоптал, эта схема тоже отработана.

Ахмет сам по себе – фигура мелкая, конечно. Но за ним стоит Цыга, а за Цыгой стоит тиходонский криминал и половина всего наркотрафика в городе, там серьезные связи и огромные, огромные деньги. Благодаря Цыгиным деньгам немало тиходонских ментов знает, что такое Хургада и Анталия. Поэтому топить Цыгу никому не надо.

Из угрозыска соколом прилетел капитан Глушаков, «Глушак». Он тоже в «теме». И тоже профессионал, без пяти минут начальник городского угрозыска – как Лиса уберут – так сразу! К тому времени, когда на место прибыла дежурная по городу СОГ³, предварительная версия случившегося была готова. Девушку сбил на дороге неизвестный автомобиль, виновник скрылся. Ахмет появился здесь спустя какое-то время. При повороте на Северный объезд он заметил тело на краю проезжей части, хотел припарковать машину рядом, чтобы оказать помощь, но слишком резко вывернул руль и улетел в кювет. Девчонку он точно не сбивал, поскольку на машине отсутствуют характерные повреждения (бампер, капот, лобовое стекло). Где-то так...

Проблем не возникло. В протоколе осмотра было записано то, что устраивало всех. Ахмет за свой косяк оплатился тем, что на него гайцы составили протокол – за превышение скоростного режима и создание аварийной ситуации. Штраф пятьсот рублей.

Но когда рапорт лег на стол к действующему, вопреки сплетням и слухам, начальнику ОУР Кореневу, тому сразу что-то не понравилось.

– Подожди, Глушаков. А ты что, дежурил в эту ночь? Как ты там вообще оказался? – сдержанно спросил он у своего заместителя.

Считалось, что именно Глушаков с Гнединым раскрыли убийство Гусара и вывели розыск на банду Ящика, а значит, и медали, и звания, и повышения в должности они получили заслуженно. Во всяком случае, по документам выходило именно так. Правда, Гнедин действительно вывел розыскников на след Севера, а Глушаков им руководил, но след-то оказался ложным... Впрочем, об этом никто не вспоминал. Тем более, что покончил с бандой сам Лис, за что и получил Орден Мужества, так что обижаться ему было не на что. Впрочем, он никогда и не обижался, так как знал эковскую поговорку: «Обиженных... под шконку

³ СОГ – следственно-оперативная группа.

загоняют»... Как и многие специфически осведомленные люди, он вообще не употреблял этого слова – говорил не «обиделся», а «огорчился».

Вот и сейчас он огорчился, увидев, что новоиспеченный заместитель вновь заварил дурно пахнущую кашу.

– Зачем ты туда полез?

– Да просто проезжал мимо, увидел патрульные машины на обочине, решил поинтересоваться...

– И что, интересно было?

– Ну, как, Филипп Михайлович... Рядовое ДТП, что там интересного?

Глушаков развел руками, пожал плечами: мол, мы всю жизнь в говне копаемся, а что там интересного? Просто наш долг такой!

– А по-моему, очень интересно, – сказал Лис. – Смотри: машина записана на Михаила Морозова, который в миру зовется Цыгой-старшим... За рулем его личный водитель Ахмет Гасанов, тоже фрукт известный... И почему-то именно ему попадаете на дороге бесхозный труп. С этими...

Лис заглянул в рапорт.

– Сочетанными травмами различной степени тяжести. Ехал, ехал, никого не трогал, и вдруг – труп. Гасанов по доброте душевной даже помочь ему пытался, так сильно пытался, что в кювет улетел. Что за хрень собачья?

– Ну, почему хрень, Филипп Михайлович...

– Потому что хрень, Глушаков! Потому что все это – «Золотая Миля»! А тамошние барыги не находят случайно трупы – они их производят в промышленных количествах! Цыга, Ахмет, труп – это как водка, стакан и селедка, звенья одной цепи. Ты меня понял?

– Понял.

– А раз понял, то прокачивай это дело по новой. Труп на повторную экспертизу, отдельно выделить вопросы: есть ли следы приема наркотиков и соотносятся ли имеющиеся травмы с наездом транспортного средства. Трассолога и автоэксперта подключаешь, пусть восстановит, что там произошло с машиной Гасанова на дороге. И главное – личность погибшей. Кто, откуда, была ли в розыске. Может, родственники заявляли, а может, по какому-нибудь делу проходит. Перетряхните всех шлюх и девочек легкого поведения... Разошлите ориентировки по райотделам, по наркодиспансерам. Короче, действуй, Глушаков!

После разговора с Лисом капитан вернулся в свой кабинет, озадаченно хмурия брови. Тут же набрал какой-то номер на мобильном.

– Я по поводу того случая на Восточном объезде... Есть неприятные новости... Опять этот Лис все дело портит...

Лис

Машина стояла на обзорной площадке, с которой хорошо был виден вокзал, центр Тиходонска, с построенными в последнее время однотипными, как кости домино, многоэтажками; золотые купола центрального храма, стоящего с незапамятных времен посередине Старого базара, двойной торговый центр из голубого стекла, который называли «Купеческим двором», с учетом исторического прошлого города... Справа шумел круто идущий вверх проспект, названный в честь всенародной стачки, состоявшейся в начале прошлого века: по нему с утра до позднего вечера шли потоки машин: в Западный микрорайон вечером и в город утром. Сейчас было утро, и поток в город был плотнее, чем обратный. С этого места город был виден, как на ладони, по вечерам здесь собирались машины с молодежью – то ли парни и девушки любовались огнями ночного Тиходонска, то ли пили шампанское, то ли занимались сексом на задних или передних сиденьях своих авто, а скорей всего, совмещали и то, и другое, и третье...

Но сейчас тут стояла машина покруче – белый «мерседес SL». Номер 001 и глухая, строго запрещенная тонировка свидетельствовали о том, что он принадлежит богатому и непростому человеку. Хотя понятие «непростой» претерпело в последнее время сильные изменения. Как, впрочем, и многие другие понятия.

Подъехавший Лис, как и все остальные его коллеги, сразу понял, чья это тачка. Дверцы были плотно закрыты, и трудно было представить, что тот (или те), кто находится внутри, рассматривают город, наслаждаются спиртным или любовью. Во-первых, время неподходящее, а во-вторых, все знали, что (точнее кто) находится в сверхкомфортабельном салоне и что он там делает. Интуиция или экстрасенсорика тут ни при чем: просто дворничиха, метущая площадку, вначале стучала в темное стекло, а потом приоткрыла дверцу, после чего сразу позвонила в полицию. Именно поэтому участники предстоящего осмотра места происшествия еще до его начала знали, что внутри один мужчина, причем не подающий признаков жизни. Интрига состояла только в одном: кто это – сам хозяин или кто-то другой – сын, друг, брат, которому он одолжил свой «мерс»?

Почти одновременно с Лисом сюда подъехала СОГ: следователь Баринов, криминалист, судмедэксперт и кинолог с собакой. Впрочем, входит ли кинолог в следственно-оперативную группу – большой вопрос: следственных действий он не производит, оперативной работы не ведет... Сам он считал, что, конечно, входит. И его Вулкан – крупный немецкий овчар, несомненно, тоже так думал. Во всяком случае, он без всяких команд обошел машину, обнюхивая колеса, потом выжидая сел у пассажирской двери, давая понять, что ему надо понюхать там, внутри... В стороне стоял «УАЗ» районщиков, три востроглазых парня из Привокзального отдела опрашивали крупную женщину – судя по метле в руках, ту самую дворничиху, и, очевидно, случайных прохожих: чтобы пачка объяснений была потолще и подтверждала: они здесь не баклуши били, а усиленно работали по раскрытию.

– Место происшествия находится на смотровой площадке улицы Обзорной, – начал говорить в цифровой диктофон Баринов, показывая понятием, какую именно площадку он имеет в виду. – На площадке стоит автомобиль «мерседес» белого цвета госномер «А 001 ТД», капотом на восток, в полутора метрах от памятника героям Стачки 1902 года...

Действительно, «мерс» почти упирался в огромную скульптуру, на которой один рабочий в комбинезоне размахивал над головой какой-то тряпкой, а второй, очевидно раненый, тяжело опирался на наковальню. Когда-то народная молва окрестила эту композицию памятником Фантомасам – мол, один останавливает машину, чтобы засунуть водителя в багажник и завладеть транспортом, а второй изготавливает оружие, которое, как известно, было у бандитов самодельным. Впрочем, за давностью лет это название уже забылось так же, как и

сами «Фантомасы», которые были расстреляны по приговору суда, и оживить их память не могли ни книги, в которых живописались их преувеличенные подвиги, ни даже эпохальный многосерийный фильм, который и вовсе переврал всю их деятельность.

– При открывании водительской двери «мерседеса» обнаружено следующее, – Баринов дал знак и местный опер – молодой рыжий парень, которого Лис почти не знал, предусмотрительно обмотав руку платком, осторожно распахнул дверцу.

Все было так, как рассказала дворничиха: человек, сидящий на месте водителя, завалялся вправо, и его голова лежала на пассажирском сиденье. По тонкой, дорогой, светло-синей ткани с искрой Лис понял, что это сам Тамаз: он любил блеснуть новой шмоткой и привозил костюмы из Эмиратов или Милана – в тиходонских бутиках таких не найдешь.

– Видимых повреждений на теле со стороны спины не обнаружено, – продолжал бубнеть Баринов. Лис подумал, что если Тамаз вдруг вынырнет из пьяного сна и пошлет всех по матушке, то будет очень смешно, да и проблем на сегодня и последующие дни поубавится. Но неподвижность тела и неестественность позы говорили о том, что Тамаз уже отматерился в этой жизни, отгулял, отскандалил и скоро о нем навсегда забудут, как некогда забыли куда более знаменитых «Фантомасов». А Тамаз не имел громкой славы. Он был из тех, кого сейчас стыдливо называют авторитетным бизнесменом. Когда-то у него была собственная бригада, оружие, он даже отбыл три года за вымогательство – по тем временам вроде как криминальный университет окончил и стал профессионалом.

Но в новые времена, когда сажать тех, кто имеет деньги, практически перестали, он быстренько «переобулся» и развернулся уже как честный бизнесмен. На сегодняшний день он имел своё производство облицовочной плитки, автосервис, парикмахерские, ресторан, несколько баз отдыха на левом берегу Дона и являлся одним из самых богатых людей города. Точнее, считался таковым до вчерашнего дня. И все остальное, что его касалось, все осталось во вчерашнем дне. Хотя все равно дело будет резонансным и неприятным.

Лис так же осторожно, как и молодой опер, платком открыл пассажирскую дверь, Вулкан отталкивая его, тут же сунул внутрь большую голову, поводил хищной мордой и через минуту уже тащил своего проводника вниз по дороге. Лис внимательно осмотрел салон, но, в отличие от пса, ничего такого, что привлекло бы его внимание, не увидел и не почувствовал. Открыл перчаточный ящик, именуемый в просторечии бардачком. Страховка на машину, какие-то бумаги и все. Между тем Тамаз любил оружие и никогда не ходил «пустым». У Лиса была информация, что он возит с собой недавно купленный восемнадцатизарядный «Глок». Лис заглянул под сиденья, пошарил в карманах на спинках кресел. Оружия не было.

Он отошёл к районщикам, переговорил с ними. Ребята и так понимали задачу: обойти окружающие дома частного сектора и опросить жителей: не видели ли они чего-нибудь вечером и ночью, а может, хотя бы слышали... Опытные опера знали, что вряд ли найдутся свидетели. Судя по всему, машина простояла тут всю ночь, а в этом районе люди рано ложатся спать и рано встают, чтобы отправляться на работу. Недаром звонок о подозрительно стоящей машине поступил в дежурную часть уже в восемь утра. Только молодой рыжий опер этого не знал, а потому рвался в бой и надеялся получить результат. И это было хорошо: именно таким падают в руки яблоки «случайных» раскрытий.

– Тебя как зовут? – поинтересовался Лис.

– Михайлов, Вени. Вениамин в смысле, – быстро поправился он. – А вы дело себе заберете, товарищ полковник?

– Зачем оно мне? – буркнул Лис. – В отдел возьмем. Убийства – наша компетенция...

– А если это не убийство?

Опытные сотоварищи снисходительно засмеялись.

– Нет, правда, – настаивал Михайлов. – А вдруг это передоз? Или инфаркт?

– А ведь верно! – Лис быстро направился к «мерседесу». Смешки за его спиной стихли, а Михайлов побежал следом.

– Ну, что здесь, Роман Ефимович? – спросил Лис у судмедэксперта – полного мужчины с глубоко посаженными рачьими глазами, повидавшими много такого, что сведет обычного человека с ума.

– Две колотых раны, – ответил тот. – Нанесены под углом – снизу вверх, похоже, заточкой или стилетом. Линейные размеры небольшие: восемь на два миллиметра. Длину определю при вскрытии. Да, лезвия не заточены. Их вообще нет: края орудия тупые.

– Если стилет, то он вообще круглый может быть, – вмешался Михайлов. Лис глянул на него с интересом: сейчас молодежь Уголовный кодекс не читает, не то что справочник «Холодное оружие»...

– Может четырех- или шестигранный, там тоже края не острые...

Роман Ефимович вздохнул.

– В клинках я особо не разбираюсь. Одно скажу: похоже, тот, кто это сделал, знает, как надо убивать!

– Пальцы есть?

– Десятки, если не сотни, – ответил криминалист. – Как будто он весь город возил, таксистом подрабатывал. Надо загонять машину к нам, с ней будет много работы...

– А взяли что? – спросил Лис.

– Бумажник, документы... Короче, что было, то и взяли.

Вернулся запыхавшийся кинолог.

– Хороший след, но на проспекте оборвался, – доложил он.

Вулкан уже не рвал поводок, а обнюхивал пассажирскую дверь и повизгивал, будто жалуясь: «Дескать, правильно все унюхал, сделал, что мог, а оно вон как получилось!»

– Или его машина ждала, или попутную взял, – продолжил кинолог, хотя все и так было ясно.

– Запусти пса в машину, пусть оружие поищет, – приказал Лис.

Проводник дал Вулкану понюхать свой «ПМ», открыл все дверцы. Ищейка обнюхала задние сиденья, коврики, заглянула в багажник, но никакого интереса не проявила: оружия в машине не было, а запах смазки если и был, то успел выветриться.

Говорят, что самое быстрое в мире – дурные вести. Лис много раз убеждался в справедливости этой поговорки. И сейчас убедился тоже: к концу осмотра на смотровой площадке, на проспекте Стачки и на прилегающей улице скопилось с полсотни «люксовых» автомобилей: это родственники и друзья Тамаза съехались отдать ему последние почести. Они сигналили, требовали у полицейских немедленно назвать имя преступника и клялись отомстить убийце. А Лис и другие люди, которым предстояло раскрыть преступление, стали разъезжаться по рабочим местам.

Результаты вскрытия Лис получил на следующий день. Собственно, ничего нового по сравнению с тем, что удалось определить на месте происшествия, он не узнал. Действительно, два проникающих ранения грудной клетки, нанесённые сужающимся к концу оружием, длиной одиннадцать сантиметров. Оба ранения пришлись в сердце. Это подтверждало вывод эксперта – не каждый способен так ударить.

Кроме отпечатков хозяина, в машине было много других папиллярных узоров. Кому они принадлежали, судить было сложно. Их «пробивали» по картотеке, но, очевидно, те, что катались в этой машине, не попадались в поле зрения полиции, и их пальцы в криминалистических учетах отсутствовали.

Миледи Из дневника

«Сплошные ужасы.

«Ужос-ужос-ужос», как говорит Кошка.

У моего начались «критические дни». Ха-ха-ха. И чего-то неймется ему, как оборотню в полнолуние? Подозрительный такой стал. Придирается. Бесится. Чего бесится, непонятно. Может, узнал, что я с его бывшим компаньоном трахнулась, с Максимом. Теперь они разругались и врагами стали. Но мне-то что? Я ни с кем не ссорюсь...

Но предьяву он мне конкретную не выкатил, ходил по комнате зверем, молчал. О, вчера обратила внимание: у него походка волка! На полуцыпочках, пальцы поджаты, и весь такой напряженный. Только когтями по полу не стучит. Ну, чисто оборотень. Животное. И будто вынюхивает что-то все время. После ужина искал бумагу какую-то, плеву какую-то бумаженцию с телефонами или еще с чем-то. Всю квартиру перевернул! Стол, тумбочку выпотрошил. Потом за мой трельяж взялся, стал орать, что у меня всюду бардак, вещи валяются где попало и все такое. Мой нетбук на пол смахнул, скотина. Сказал, что случайно. Фиг там случайно. ДОСТАЛ!!!! Я тоже поорала, поорала, тоже что-то разбила, а потом обнаружила, что уже лежу на диване, а он мне куни делает, типа вину заглаживает. И поняла: все бесполезно. БЕСПОЛЕЗНА-А-А! Ну, блин, думаю, ладно, ладно. Я тебя пока потерплю, подою еще, а потом ты у меня за все заплатишься, – за нетбук мой, за нервы и за все остальное. Картина ясная, хватит, надо переходить к Абрикосу – он интеллигентный, обходительный, слова всякие мудреные знает, рисовал меня сколько раз... Одно непонятно с Абрикосом: то ли вымя у него тугое, то ли пустое – доится с трудом... Но если тугое – ничего, разработаем!

А этот утром сегодня ушел. Сразу позвонила Кошке. Договорились встретиться в «Антарктиде». У нее тоже непуха – Балон месяц не просыхает. Она ночью проснулась, видит – бродит по квартире с пистолетом, глаза закатил, одни белки сверкают. Она чуть не уписалась со страху, села на кровати, дышать боится. А Балон походил-походил и сел рядом. Она ему: «В чем дело?». А он: «Ящерицы бегают, ловлю. Желтые ящерицы, видишь?». И голос глухой, будто спит. Наверное, он и вправду спал.

Ужос-ужос.

Заказали по «Манхэттену». Сидим за столиком, снимаем стресс, мужиков обсуждаем. Коша говорит: Балон по два часа сидит в туалете, хоть сдохни. Кино смотрит на компьютере. Курит там, выпивает, у него там полочка специальная под водку-закуску. Иногда прямо там и засыпает. А еще по телефону со своими дружками-уё... трещит, строит их, командует. И все это сидя голой жопой на унитазах. А ей самой ни душ принять, ни подмыться, ничего. «Подождешь, не лопнешь!» – орет.

Я ей тогда рассказала про Босого прикол, как он свой коричневый болт на сервировочной тележке от самой ванной до дивана вез – чтобы не упал, значит. Да еще присыпал сверху петрушкой и повторял: «Все, что могу... Все, что могу...»

Кошка ржала-ржала, чуть под стол не свалилась. А потом удивленно так говорит, как будто только дошло: «Слушай, а как ты с ним трахаешься?! Ему же лет сто, наверное! И туберкулез у него... И бабы его не интересуют...» Ну, говорю, бабы бабам рознь. А платит хорошо, и в авторитете – везде его с почтением принимают. Так что, не завидуй!

С Босым в последнее время и в самом деле что-то происходит. Раньше он и дышал-то через раз, а сейчас расправился, глаза блестят, болт шевелится. Деньгами стал швыряться и вообще – силу лекарств почувствовал, жить хочет... Залезет, дергается, хрипит, но не слезает... Или наоборот – конец почувствовал, вот и отрывается напоследок...

Коша смотрит на меня так серьезно, спрашивает, сколько мне Босой заплатил. Я ей и рассказала, что мы в «кошелек» играли, ну это все знают: он скатывает купюры шариком и

засовывает прямо туда: сколько поместится – все мое. Двенадцать *стоевриков* поместилось, в такие моменты я всегда жалею, что у меня киска маленькая.

– Это что, 1200 евро?! – она сразу в истерику. Говорит:

– Мне никогда таких башлей никто не отваливал! И в игры такие не предлагают, а у меня бы и две тысячи поместилось, и больше! Только Балон, скотина, сторублевки бы совал! Вот устроился на халяву: и то ему сделай, и это, а сам только по кабакам водит да вещи покупает, когда удастся выпросить! И остальные больше ста баксов из кармана не достают...

Я ей: не бойся, жаба, я тебя к Босому подведу, денег у него немеряно, он ведь на общаке сидит. Изобрази ему пару оргазмов для виду, чтоб мужиком себя почувствовал, – озолотит. «А Балон если узнает?» – говорит она. А тебе что за дело? Пусть они между собой разбираются... И потом, Балон все равно с утра до утра лыка не вяжет. Вот пусть и дальше греет свой унитаз, жрет водку и кино смотрит. Правильно? Правильно. Да и убьют его скоро. В последнее время у них всё стрелки да перестрелки... Я уже и ездить с ними боюсь: если начнут из автомата палить, то разбираться не станут. Потому лучше на такси, или пусть машину присылают: в водилу никто стрелять не будет...

И тут я вижу: двое парней за соседним столиком на нас пялятся. Давно, наверное, пялятся. Незнакомые, не местного разлива. Я им улыбнулась, Кошку под столом ногой толкнула, она сразу все поняла, губы свои накачанные вытянула, вроде помаду освежает...

Поднялись, подходят. Началось: девушки, а как вас зовут, а почему такие грустные? Ну, и все такое. Мы с Кошкой вяло так отбрехиваемся, присматриваемся вполглаза. Один невысокий такой, ладный, светловолосый. Борисом назвался. Довольно ничего. Только уши у него некрасивые, как у хорька. Второй – Владик. Оба накачанные, холеные, наглые, уверенные в себе и при деньгах. Как раз в моем вкусе. Сорочки от Марчези, туфли тоже какие-то приличные, итальянские. Возможно, даже Гальяно. Не наши парни, не тиходонские. И духан от них хороший, дорогим парфюмом поливаются.

О, говорят, «Манхэттен» пьете. А «Секс на пляже» когда-нибудь пробовали? Кошка, дура, от смеха чуть под стол не упала. Пробовали, говорит, только песок в «пилотку» набивается! Учишь ее, учишь – все бесполезно! Надо же порядочную из себя строить, а не рассказывать сразу, куда тебе что набивается... Я всегда так и делаю.

– А что это еще за дрянь? – спрашиваю.

– А вы попробуйте, – говорят. – Вам понравится...

Заказали себе и нам, выпили. Я ничего не просекла, а Кошке и вправду понравилось. Или она просто окосела сразу. Говорю, вы что-то шибко во всяких коктейлях разбираетесь. Наши пацаны, говорю, накатят белой холодной, им и хорошо, и больше ничего не надо. Они смеются: так мы ж не ваши пацаны, мы бизнесмены, из Москвы приехали, с важными людьми, они будут здесь свое дело открывать. А мы свое дело замутим...

– А что за дело? – опять влезла Кошка.

– Может, ресторан откроем, – говорит Борис. – А может, цех – водку разливать...

Переглянулись, усмехнулись. Ясно – бандюки заезжие. Бизнесмены – те точно знают, чего хотят. И понимают, что водку у нас есть кому разливать, залетные тут не нужны... Ну, мое дело маленькое: сию, молчу.

Посидели, поболтали немного, стаканы быстро опустели. Коша сидит кривая, глаза как у течной кошки. Боря с Владиком заказали «Шампейн Тори», я о таком и не слышала даже. У бармена, конечно же, не оказалось клубничного ликера и какого-то, блин, японского «Мидори». И мы, конечно же, поехали к ним домой, к московским этим парням. Потому что у них все есть. Они снимают четырехкомнатную квартиру на Широком, там только что бассейна не хватает. На меня такая обстановка действует однозначно, особенно когда парни в «Гальяно», и сами точно знают, что хотят. Выпили этого «шампейна» для порядка, потом

«дорожку» раскатали, потом потрахались – сначала один на один, потом поменялись, а потом все вместе.

Кровать в спальне – с футбольное поле, огромная. Никогда на такой не спала. Сидим мы там голые, расслабленные, музыка играет, «косяк» по кругу ходит. На потолке какие-то узоры сине-зеленые расплываются, словно волны, а иногда пульсировать начинают. Проектор какой-то, что ли, скрытый? И мозги плывут точно так же. Трава у них отменная, я скажу.

И чего вам в Москве не хватало, спрашиваю. Чего в нашу дыру поперлись-то? Смеются. Говорят: каждый х... дыру ищет, закон природы. А ты слышала, говорят, как при Советах ездили целину поднимать? Степь, палатки, романтика. Вот и мы так же, говорят. Здесь у вас целина, говорят, нива непаханая, офигенный простор для бизнеса. Я тоже смеюсь, им подыгрываю.

А Кошка на рожон лезет: это, говорит, смотря для какого бизнеса. Мороженое на палочке выпускать, что ли? Нет, говорят, не мороженое. Совсем, говорят, не мороженое. Ну, а в таком разе, Кошка говорит, если не мороженое, то зря приехали, потому как никакая тут вам не целина, в Тиходонске, блин, свои промеж собой никак разобраться не могут, что кому причитается и кто кому сколько должен... У нас все поделено. Джаванян сто лет водку разливал и был порядок. А потом тоже такие москвичи приехали, Джавана из автоматов раскрошили, да ребят заодно: Рыбу, Адидаса, Батона...

– А ты, я вижу, телка прибалтленная! – сказал Боря, а сам смотрит так – цепко, внимательно... От такого взгляда до выстрела совсем немного, я как-то побывала в одной переделке...

– И ресторан твои москвичи открывали, – прет буром Кошка вместо того, чтобы заднюю включать. – Только потом и их всех завалили... И я тебе, кстати, не телка никакая: телки в поле пасутся...

– Ух ты ка-ка-я-я! – захохотал Боря. – Пойдем в ванную, там я тебя попасу немного да дождиком сбрызну, как в поле...

– Ты эти дожди для своих московских б... побереги!

Владик лениво так во мне пальцем ковырялся, а тут перестал, будто удивляется – откуда взялась такая жаба?!

– Ты не выделяйся и меня слушайся! – Борис перестал веселиться. – Теперь мы тут будем верховодить!

Морда красная, глаза выкатились. Я, конечно, сижу, молчу. Не мое это дело. А Кошка опять свое: хрен вам! Это вам, говорит, не Тамбов и не Брянск, здесь народ горячий, здесь вашего московского юмора не поймут.

Они ржут, не могут.

– Очень поймут, – говорит Влад, – мы себя очень быстро поставим!

Но тут Борис, хоть и тоже пьяный был, глянул так на него, цыкнул: не тарахти, мол, лишнего. О чем-то таком Влад проговорился, наверное, но я так и не поняла. А Кошку все бычит.

– А вот фер вам! Босой только свистнет, вся наша кодла слетится, на лоскуты вас порвут.

Я молчу, блин. Молчу. Не нравятся мне эти разговоры, похвальба эта пьяная. Надо сваливать потихоньку. Или как-то свести все на мировую.

– Босой твой будет нам то же самое делать, что ты только что делала! Да и остальная кодла босой ходить начнет, если мы прикажем....

Но тут Кошка встает – цыцки вперед, из п... дым, патриотка вся такая: «да Балон то, да Балон сё, да он вам бошки поотрывает, не вставая со своего унитаза!» Ого, думаю: крыша поехала. Передоз. Она орет, москвичи гогочут, по щекам ее хлещут, типа играют, но вижу – злятся... Стала собирать манатки потихоньку. Знаю я эти игры. Оделась, вышла, перешла

двор, села на скамеечке, чтобы видно было. Курю, жду. Через час появляется Кошка, идет – ноги враскорячку, пьяная в дым. Ну, чего, спрашиваю? Прирезать не прирезали, говорит, и то хорошо. Подробностей никаких, только сказала, что Влад этот ее головой об стену приложил, голова болит. Денег дали? Полезла в сумочку, достала смятые бумажки, пересчитала – полторы сотни американскими, в мелких купюрах. Жмоты.

А тут мой позвонил, орет: где шляешься? Я ему соврала что-то, сама уже не помню, но делать нечего, попрощалась с Кошкой, купила воды в киоске, рот помыла, чтобы не пахло, поехала домой.

А вечером звонит Балон. Пьяный в дупельман. Воеет как волк. Я даже не сразу поняла, в чем дело, а это он, типа, плачет. Заперлась в ванной, включила воду, чтобы мой не слышал, кричу на него, чтобы говорил по-человечески, не выл. Оказалось, Кошку «скорая» из дома увезла, обморок у нее был или что-то в этом роде. А через час буквально Балону позвонили оттуда, из больницы, сказали – скончалась. Умерла, то есть, Кошка. Отек мозга. Или кровоизлияние, я так и не поняла.

Вот так. Я положила трубку и пошла спать. Не люблю трупы и все такое. Если Коша не полная дура, она ничего не сказала Балону, где она сегодня была и с кем. А если и сказала, то он все равно лыка не вяжет. Надеюсь, так и есть.

Я долго не могла уснуть, все думала. Кошка сама виновата, конечно. С такими парнями надо быть осторожнее, не распускать язык. Видишь ли, приехали тут свой бизнес раскручивать, борзые. Ну, нам-то что? У нас совсем другие дела...

Мне Кошки будет не хватать.

Ужос, ужос, короче...»

Глава 2

«Законников» тоже убивают

Вопрос снайперу: «Что ты чувствуешь, стреляя в человека?»

Ответ: «Отдачу винтовки».

(Разговор дилетанта с профессионалом)

Боцман

Про киллеров ходит много слухов. Распускают их журналисты, попса, девушки не очень строгого поведения и прочая малоавторитетная публика, которая с киллерами никогда не встречалась, а если и встречалась, то о их ремесле и не подозревала. Точно так же, как слухи о неопознанных летающих объектах и встречах с инопланетянами исходят от так называемых «уфологов», которые никогда не видели летающих тарелок, а уж тем более, марсиан или посланцев с Альфа Центавра, но отчаянно хотят привлечь к себе внимание и хоть таким экзотическим способом приподнять свой авторитет.

Ни один киллер не станет встречаться с каким-нибудь журналистом, звездой местного разлива, или дамой полусвета. То есть, встретиться, конечно, может – почему нет? – но не для того, чтобы излить свою ранимую душу случайному собеседнику, а исключительно для удовлетворения собственных надобностей: они ведь тоже общения хотят, и к славе вроде как приобщиться приятно, а симпатичной девушке – так если не душу, то несколько миллилитров генетического материала, к обоюдному удовольствию, излить вполне может...

И даже не потому он такой скрытный, что конспирацию соблюдает: просто слишком это тухлое дело, рассказывать про то, как ты душегубствуешь, за деньги отнимаешь жизнь у других людей. Ничего геройского и благородного в этом нет, и хвастать тут нечем.

Точно так же никуда не годится сказка о том, что киллер – это высшее звено в преступной иерархии, что он один из королей уголовного мира и все ему якобы завидуют, уважают, кланяются. Нет, на самом деле «мокродел» в криминальной среде – личность презируемая и осуждаемая, потому что вор – он всем понятен, он деньги в «общак» несет, потому и уважение, потому и в преступных мастьях вор одно из первых мест занимает, а коронованный вор так и вообще первое!

А кто такой киллер? Это тот, кто берет деньги за кровь. Сегодня у тебя взял и врага застрелил, а послезавтра у врага возьмет и тебя застрелит. За что же его любить и уважать?! Не за что. Наоборот – друзья-товарищи «исполненных» фигурантов совсем другие к нему чувства испытывают. Недаром, если попадает такой в правильное общество, то очень быстро свою бурную жизнь заканчивает.

Когда новокузнецкие пацаны Костян и Гриня, поставившие под стволы весь цвет криминальной Москвы, оказались наконец в Бутырке, то грешные их жизни очень быстро оборвались, и адвокаты не помогли, и слабая доказательственная база (свидетелей, ведь, в таких делах не бывает) не спасла, и даже деньги на подкуп правосудия не сработали: правосудие, оно ведь, тоже разное бывает! Костян с верхней шконки упал, причем, судя по травмам, упал он раз пятьдесят. А что, бывает: раз залез на второй ярус неудачно, другой, потом во сне вскинулся – видно сон плохой приснился (а с другой стороны, откуда у убийцы хорошим сном взяться?) – и снова грохнулся на бетонный пол... Короче, руки, ноги, ребра, позвонки поломал и все внутренности отбил, ну а с такими повреждениями жить вроде и не противопоказано, но никак не получается!

А Гриня, хотя и в другой «хате» содержался, но очень быстро последовал за корешем, только падал он не со шконки (куда годится, если в следственном изоляторе вдруг такие опасные кровати окажутся?), а как хитромудро пишут должностные лица дознания: «с высоты собственного роста». Мудреная фраза, по-разному ее можно понимать. То ли залез он сам себе на голову и оттуда бросился плашмя, то ли просто так: стоял, стоял – и ударился вдруг оземь со всей силы, как Финист-Ясный Сокол. Только тот в птицу превращался, а Гриня в труп оборотился. Не учел, видно, что бетонный пол и мать-сыра земля – со-о-о-вершенно разные вещи-то! А может, с первого раза не получилось в сокола превратиться, вот он и пробовал...

И третья легенда, которую надо развенчать: якобы за киллерами стоит мощный профсоюз. Это кореша, которые следят за тем, чтобы все было по правилам: и чтобы деньги киллеру отдали, и чтобы не обидел его никто, и уж чтобы, не дай бог, самого его в землю, рядом с заказанным, не положили. Тоже вранье это все. Поехал Еж в Тиходонск исполнять серьезный заказ, а назад не вернулся. Ну и что?! Прошла в определенных кругах информация, на Тиходонск стали коситься, другие мокроделы отказываются там работать. Ну, а кто поехал за Ежа отомстил? Никто. Убил его Гарик Речпортовский и сбросил в трюм стоящей на приколе баржи, крысам, они его до костей объели. Только через несколько лет гладкий скелет нашли. А с Гариком посчитался Боцман, и считался он не за Ежа, а за своего отца, которого Еж и исполнил. Вот теперь стоит Боцман перед своим диспетчером Лебедем, разговаривает на разные темы, хотя не знает, как этот разговор закончится – хорошо или плохо...

– В Рязани ты хорошо сработал, – говорит Лебедь одобрительно.

Он сидит в кресле на двадцать втором этаже своего пентхауза и смотрит через стеклянную стену на серую гладь Невской губы, даже в летнее время не вызывающей желания искупаться. Невзрачные, но мощные буксиры тянут в порт здоровенный круизный лайнер «Золотая принцесса» – многоэтажный, весь белый, праздничный...

Сидит Лебедь в хорошем спортивном костюме, прихлебывает виски из широкого стакана, смотрит на белый пароход и рассуждает вроде ни о чем. Похвалил Боцмана за хорошо выполненные заказы, спросил, как жизнь, какие новости, нет ли проблем. Потом вдруг неожиданно про Фому Московского заговорил: дескать, разжирел он непомерно, уже в «Гелендваген» свой бронированный скоро не влезет, придется ему специальный грузовик оборудовать, пусть в кузове ездит... Слушает его Боцман, кивает, а сам понимает, что неспроста о Фоме разговор зашел. И точно, через несколько фраз Лебедь так, вроде невзначай, спрашивает:

– Только у меня Фома Тиходонском интересовался. Сказал, одно дело ты там сделал правильно, а вот второе завалил. Ты мне объяснял там что-то, но я, честно говоря, уже и не помню...

Врет, конечно. Он даже мелочей не забывает, а тут речь об о-о-че-е-нь серьезном вопросе, об его, Лебеда, авторитете и его, Боцмана, жизни. А он без оружия – его все равно на входе отбирают. И даже страховки киллерской нет: обычно гранату под яйца привязывают, – там не очень старательно шарят: запахло... А усики чеки сжимают, да еще пассатижами выравнивают, чтобы легко вышли, некоторые даже маслицем капают... И веревку от кольца в рукав пропускают, на запястье крепят – если резко руки поднять, чека выскочит и через три-четыре секунды – ба-бах! И всех вокруг в клочья... Ну, и сам, конечно, с этими клочьями перемешаешься – не разберешь, кто есть кто... Так что это даже не страховка, а так – вроде морального удовлетворения... Только на фиг моральное удовлетворение на том свете? Ему его и на этом мало перепадает... И потом, когда столько жизней оборвал, то и к своей не так трепетно относишься. Безразличней, что ли... Так что, будь что будет...

– В мента промахнулся, – говорит Боцман. И вроде спокойный он внутри, как всегда, а голос напряженный. Понимает, что никакого профсоюза киллеров за ним нет, а у Лебеда

профсоюзные активисты имеются: Окорок и Удав... Вроде, как из одной команды, а вон как смотрят: мигнет босс – и конец ему. Или петлю на шею накинут, или пристрелят. А ночью упаковуют в мешок, спустят вниз на площадке для мытья окон да закопают, или утопят...

– Я ему в палец попал.

– В палец – это хорошо, – кивает Лебедь. – Только деньги-то были не за палец уплачены...

– Не за палец, – соглашается Боцман.

– А почему ж ты второй раз не попробовал? В более важный орган, чем палец? В голову, например, или в сердце? Да ты и сам знаешь...

Задумывается Боцман, не знает, что ответить. Правду сказать – курам на смех выставиться. Соврать можно, конечно, только у блатных на вранье далеко не уедешь. Только до сырой свежерыкопанной ямы. Думал, думал и решил правду говорить.

– Не смог я его сработать, – говорит он. – Не смог. Вся жизнь пробежала, и получалось, что этот мент – Лис, предупредить меня хотел, что отца мочкануть задумали. А я его не послушал. И потом он подсказал мне, кто навел киллера...

– Не ври, – криво улыбнулся Лебедь. – Это я тебе подсказал. Вроде просто тогда было. Человек ко мне из Дубая прилетел, в ночном аэропорту возле самолета мы с ним пять минут перетерли твою тему. Я ему всего один вопрос задал. Только за этот вопрос мне могли язык отрезать вместе с головой!

– Это я знаю, Лебедь, спасибо, – сказал Боцман. – Потому уважаю и ценю тебя, потому работаю безотказно. Сколько скажешь, столько и буду на тебя работать. Только Лис мне тоже услугу оказал. Он знал, что я приехал по душу этого гада – Гарика, а мешать не стал. Мне даже кажется, что он мне помог: уж слишком легко я к цели подошел. А то, что потом смог из Тиходонска уйти, так это сто пудов благодаря ему! Он ментяра хваткий: если бы захотел, схватил бы и жрал до тех пор, пока не заглотнул...

– А чего ж он тебя так полюбил? – поинтересовался Лебедь и отхлебнул из стакана в очередной раз. Вроде обычным тоном спросил, ан нет – не обычным: когда мент блатного любит и даже просто симпатизирует – это плохой признак. Очень плохой! Даже худший, чем когда один мужик любит другого в полном смысле этого многогранного слова.

Боцман поморщился.

– Да не полюбил... Просто мент он правильный. По-человечески все рассудил. Если моего отца убили, значит, я должен ответку сделать. По справедливости. Иначе грош мне цена.

– Правильно-то оно правильно, – сказал Лебедь. – Только потом-то картинка изменилась. Ты на Лиса заказ получил и деньги взял. И он превратился в цель, в твою работу. А любая дружба при таком раскладе в сторону уходит, к тому же блатному с ментами дружить запаadlo. И ты это знаешь!

– Деньги отдать можно, – сказал Боцман. – Это только жизнь вернуть нельзя.

– Правильно говоришь, – кивнул Лебедь. – Но неверно. Потому что деньги тебе я дал! А мне их Фома вручил! И перед Фомой не ты в ответе, а я! И ты знаешь, что такое, если человек моего уровня слова не сдержал. Знаешь ведь?!

– Знаю, – вздохнул Боцман и покосился на стеклянную дверь, за которой стояли лебеды «активисты». Удав, правда, куда-то исчез, остался один Окорок. Он не спускал с него взгляда. Но взгляд, вроде, помягчел, если, конечно, взгляд у Окорока может смягчиться. Понял, видать, что не будет команды мочить Боцмана...

Сидит Лебедь, думает. А о чем тут думать? Правила простые: он подвел серьезного человека, он должен перед ним и отчитаться. А отчитаться можно только одним способом: принести голову того, кто провалил дело. Голову Боцмана. Тогда все будут знать: Лебедь слов на ветер не бросает. А если какое-то слово улетело, тот, кто виноват, сполна заплатит!

– Решай Лебедь, мне все равно. Я уже столько на тот свет отправил, что и сам пойду без страха, – сказал Боцман, и в голосе уже не было напряжения.

Лебедь посмотрел на стакан, но допивать не стал и поставил на стеклянный столик с гнутыми бронзовыми ножками.

– Пацан ты правильный и спец хороший, не хочется мне тебя в расход выводить, – глухо сказал он. – Попробую поговорить с Фомой. Что-то там по этому заказу кривовато было, непонятки какие-то вылазили... Если серьезная гниль там найдется, так, может, действительно деньгами и отделаемся. А пока иди, отдыхай, а то ты сам непонятно где: на этом свете, или на том...

Провожая Боцмана, Окорок с улыбкой пожал ему руку. Отношения-то у них были ровные. Он даже спрашивал несколько раз: «Зачем ты коньяк от заказчиков выливаешь? Лучше бы мне отдавал!» А Боцман действительно выливал марочные напитки в раковину. Может, боялся, что благодарный заказчик отравит его, чтобы раз и навсегда оборвать след, а может, брезговал пить за черное дело, да загубленную душу. Несколько раз оставлял бутылку Лебедю, только тот, телохранители рассказывали, не пил, выливал – наверное, тоже брезговал...

«А что? – подумал Боцман. – Надо как-нибудь угостить товарища... И точно узнаю – отравлено это пойло или нет...»

– Все в норме? – Окорок тяжело хлопнул его по плечу.

– Да вроде, – пожал плечами Боцман.

Он был уверен – если бы Лебедь дал знак: кивнул, подмигнул, поставил стакан на другое место, то Окорок без колебаний, тут же свернул бы ему шею. Но не осуждал его: приказ есть приказ. А так отношения у них действительно были ровные. И бутылку хорошего коньяка Окорок, несомненно, заслужил...

Смерть Буржуя

Говорят, если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Эта пословица полностью подходит к Буржую. За последнее время Буржуй поднялся, стал переводить черные деньги в легальный капитал: открыл несколько бутиков с громкими названиями, в которых никогда не было людей, но всегда имелась хорошая выручка. Так «навар» с наркоты, подпольных казино, публичных домов и других темных дел становился заработанными деньгами честного бизнесмена. Как честный бизнесмен Буржуй и благотворительностью занимался, даже храм небольшой построил недалеко от своего дома.

Буржуй замахивался на многое – его фантазия напоминала бесконечно крутящуюся ленту яркого цветного кино, в котором даже он сам не знал финала. В последнее время ему пришла идея заняться малой авиацией, он даже купил небольшой аэродром сразу за МКАД. Идея многим понравилась: в его окружении почти все могли себе позволить летать на собственных или арендованных самолетах. И Буржуй решил пересечь с «Роллс-Ройса» на «Еврокоптер» – очень удобно: перелетел с дачи на аэродром, а там выстроились в ряд «Гольфстрим-650», «Премьер», «Челленджер»... Садись в любой и лети куда хочешь – хоть в Сочи, хоть в Ниццу, тем более, что домов у него было много и на разных морях. И никаких тебе пробок, и уровень совсем другой – причем не в переносном, а самом прямом смысле: тринадцать тысяч метров высота нешуточная – все внизу останутся...

Правда, имелаась у этой замечательной идеи одна противная закавыка: места для вертолетной площадки у него на даче не было! Дом Буржуя на Рижском шоссе имел солидный участок, но весь он уже был занят: конюшня, поле для гольфа, теннисный корт, бассейны, гостевой дом, дома для охраны и прислуги... Кто ж знал, когда все это строилось, что в его буржуинскую голову придет такая прекрасная идея про самолеты и вертолеты?

– Фигня! – сказал Буржуй, доставая сигару, когда архитектор, изучив каждую сотку, попытался разрушить мечту о вертолетной площадке. И неспешно достал длинную и толстую сигарную спичку. Оправдывая прозвище, он нарочно одевался, как дядя Сэм на карикатурах из старых советских газет: смокинг, орхидея в петлице, лакированные туфли, галстук-бабочка, сигара... Даже цилиндр и монокль завел.

– Я у соседей дом выкуплю! – Буржуй щелкнул серебряной гильотинкой, потом разжег сигару и выпустил несколько колец ароматного сизого дыма. – Снесу гнездо этих лохов и поставлю там ангар с вертолетной площадкой!

Братва слушала и, конечно, кивала головами, но никто в такой план не верил. На Рижском шоссе, в усадьбах по 12 миллионов долларов лохи не живут. И отжать просто так дом или участок вряд ли удастся даже Буржую с его финансовыми и силовыми возможностями. Но вслух ему о своих сомнениях, конечно, не говорили. Неизвестно, чем бы закончились его прожекты, но цветная фантазийная лента оборвалась раньше того, как Буржуй обустроил вертолетную площадку на чужом участке. Оборвалась она привычным способом для круга его обитания, только без тех красивых деталей, которыми он обставлял свою жизнь и на которые, наверное, рассчитывал в момент смерти. Никакого стремительного «Феррари», никакого солидного красавца-киллера в белых гетрах, никакого автомата Томпсона...

В один солнечный, но далеко не прекрасный для него день, когда Буржуй после сытого и приятного обеда выходил с молодой красоткой, визажированной под Мэрилин Монро, из ресторана «Амур», к двустворчатым дверям темного стекла подкатила неприметная «девятка» с забрызганными грязью номерами, оттуда выскочил тощий молодой парень в куртке и джинсах, с давно немытыми волосами до плеч и правой рукой, которая была сантиметром на двадцать длиннее левой из-за старого «ТТ» со стертым добела воронением.

Деловито подойдя вплотную, парень выстрелил Буржую в голову, прострелив ее насквозь и сбив блестящий черный цилиндр. Сделал он это очень спокойно, не смущаясь многочисленных свидетелей, как будто поцеловал в лоб случайно встреченного благодетеля, которому всем в жизни обязан. «Мэрилин Монро» завизжала и отскочила в сторону, Буржуй тяжело повалился на асфальт. Цилиндр, как в финальной сцене голливудского фильма, картинно прокатился через оставшуюся после утреннего дождя лужу и закатился под «девятку». Длинноволосый произвел еще один выстрел, хотя результаты первого были настолько очевидны, что работу можно было не повторять. Потом сел в «девятку» и неспешно уехал, а Буржуй, некрасиво раскинувшись, остался лежать на пыльном асфальте.

Разные слухи ходили по этому поводу. Мало кто верил в то, что Буржуя убили из-за чужого участка: слишком быстро сработали, он еще и наехать-то не успел, только болтал среди своих, да и вообще такой повод казался совершенно неправдоподобным. Скорей всего, всплыли какие-то другие непонятки. Возможно, вернулся после долгой отсидки тот, кто имел к Буржую личные счета, оплатить которые деньгами было нельзя. Может, дождался момента враг, что, затаившись, долго ждал отсроченной мести. Может... А может...

Как бы там ни было, но раз солидный член Братского круга убит, его надо хоронить. Причем, учитывая статус Буржуя в криминальном мире, похороны должны были пройти по первому разряду. На них съехались все московские князья – и Шмайсер, конечно, был, и Снегирь, и Фома Московский, и Переводчик... Из Питера пожаловал Лебедь с Жирафом и Треугольником. Блатные собрались со всей России, да и не только России – из дальнего зарубежья и из очень дальних-предальних краев: из Дубаи, Катара, Испании, Штатов, Англии, – многие были там, кроме, конечно, тех, кто находился в розыске и не мог пересечь границу.

Коронованные воры держались особняком, все в строгих костюмах, с галстуками, показывающими, что они не какая-то уголовная шпана, а солидные члены криминального Общества, допущенные в высокие кабинеты власти. Те, кто рангом пониже, были одеты разношерстно: в спортивных костюмах, куртках – в общем, хоть сейчас иди на «дело».

В стороне толклись авторитеты, которые короной не обзавелись. Среди босоголовых был Антон из Тиходонска. Ему хотелось спросить у Фомы, почему не выполнен его заказ на Лиса, но обстановка была для этого неподходящей. Так он и держался в отдалении, надеясь, что, возможно, выпадет удобный случай.

Похоронили Буржуя как положено, в полированном гробу с кондиционером, и даже положили под руку золотой «Верту»: а вдруг захочет он отдать какое-либо распоряжение своей пристяжи. Но если из следственного изолятора или из зоны позвонить можно, то про звонки с того света еще никто не слышал.

После похорон поехали на поминки, для этого сняли загородный ресторан неподалеку, в котором накануне полностью поменяли персонал. Мало ли что, на всякий случай. Не зря ведь крутятся вокруг блатных незнакомые люди с внимательными цепкими глазами и наверняка снимают гостей со всех ракурсов на фото и видео, чтобы обновить оперативные карты. Ничего удивительного: поминки коронованного вора – это не только печальные слова и рассказ о достоинствах покойного, это еще и сходка, на которой решаются вопросы как быть с его наследством, что оставить вдове, что вернуть в общак, кого поставить на место убитого, как решить текущие дела, которые Буржуй уже закончить при всем своем желании не сможет.

Как обычно, мнения о дележе денег, дел и имущества были различными. В общем-то, поскольку интерес в основном касался московских воров, то они договорились собраться и специально обсудить нерешенные вопросы. Но Фома неожиданно взял под руку Лебеда и отозвал в сторону. Вначале Лебедь думал, что речь пойдет о не исполненном заказе, хотя время для того, чтобы задавать такие вопросы, было неподходящим. Потом он понял, что заботит Фому совсем другое.

– Мы с Буржуем вложились в Тиходонск, – понизив голос, сказал Фома. Они шли по узкой тропинке окружающего ресторан леса, охрана держалась сзади так, чтобы не слышать разговор хозяев, но среагировать, если вдруг им будет грозить какая-то опасность.

– Прилично, по три ляма зеленых закатали под один проект, – продолжил Фома. Ясно дело, что надо кому-то место Буржуя занять. Деньги его вобщак пойдут, а тот, кто на его место придет, свои внесет.

Тут-то Лебедь и понял, зачем отозвал его Фома, но виду не подал и вопросов задавать не стал, хотя Фома явно проявил к нему доброжелательность и доверие.

– Короче, хочу тебе это предложить, – продолжил Фома. – Три ляма вложишь, и ты в доле. Там уже скоро открытие будет.

– А что за объект? – поинтересовался Лебедь.

– Водный дворец, – ответил Фома.

Лебедь пожал плечами.

– Ну, и какая там будет отдача?

– Да считали наши бухгалтеры, отдача хорошая, и потом, Тиходонск город богатый, надо его окучивать.

– Но вы же его уже один раз окучивали, – стараясь, чтобы в голосе не прозвучала издевка, сказал Лебедь.

– Да, было, – согласился Фома. – Буржуй как раз Каскета предложил на это дело. А тот провалил все. С треском провалил. Хотя с ним ребят много было. Кого перебили, кто обратно вернулся. Не вышло ничего.

– А второй раз выйдет? – спросил Лебедь.

– Почему нет?! – ответил Фома. – Бог любит троицу.

И засмеялся.

– Хочешь, анекдот расскажу про Буржуя?

– Да вроде не ко времени...

– Наоборот, как раз ко времени! – Фома с трудом сдержал смех. – Представь, сейчас Буржуй предстал перед апостолом Петром и спрашивает: «Так в рай куда идти?» А тот заглянул в свою книгу и отвечает: «Вам не в рай, вам в ад положено!»

Фома остановился, глянул хитро.

– Ну, ты Буржуя знаешь, он как попер: «Ты глаза разуй! Ты знаешь, кто я?! Ты что тут фуфло гонишь?»

А Петр ему отвечает: «Знаю я, кто вы, господин Гвоздилкин! Вот, тут все написано: двадцать грабежей, десять разбоев, пять убийств, последние годы сплошное разводилово – рэкет, вымогалово, рейдерские захваты...»

«Да ты лучше смотри! Я храм построил, я благотворительностью занимался, я на это два лимона зелени потратил!»

Тут Петр ему улыбнулся: «Ах, вы об этой мелочи... Не беспокойтесь, деньги мы вернем. Но вам в ад!»

Фома смотрел выжидающе. Лебедь для приличия улыбнулся.

– Так что думаешь? Пойдешь на место Буржуя? Не там, – Фома указал пальцем в небо. – А здесь?

– Ну, что ж, – сказал Лебедь и снова пошел по тропинке. – Пожалуй, я на это дело подпишусь.

– Вот и славно, – отозвался Фома. Он тяжело топал рядом.

– Я тебе не зря предложил, мы с тобой дела делали, и ты никогда на чужое рот не разевал и косяков не упарывал.

Лебедь только усмехнулся.

– Косяки у всех бывают, – сказал он. – Есть у меня к тебе дело по заказу Тиходонскому.

– Знаю, – сказал Фома. – Наполовину исполненный.

– Да, – кивнул Лебедь. – Там обстоятельства новые вылезли.

Он коротко пересказал суть проблемы.

Фома долго шел молча, только сучья хрустели под его грузным телом.

Лебедь знал, когда приглашают компаньона в большое дело, то начинать с отказа ему вряд ли кто-то будет. Так и получилось.

– Я тебе так скажу, – сказал Фома. – Конечно, твой человек не по правилам поступил, но, с другой стороны, и дело это гнильцой отдает. Он от своего имени заказ сделал, никто за ним не стоял. Вот мы в Тиходонск приедем и у местной братвы спросим, что да как. И если этот босоголовый косяк упорол, то тогда твой парень его и исполнит. Вот и расквитаемся.

– Хорошо, – сказал Лебедь и кивнул. – Пойдем к нашим, а то подумают, что мы с тобой их кинуть хотим.

– Пойдем, – усмехнулся Фома.

Они хорошо знали своих коллег и были уверены, что такая мысль будет первой, которая придет им в голову.

Глава 3

Плохие парни

*Плохих парней могут победить только очень плохие.
(Логика жизни)*

Берц

– Ну, и дальше чо? – лениво спросил Берц, допивая очередную кружку пива и придвигая к себе полную. На толстых пальцах у него появились татуировки: два синих перстня – один квадратный, а второй ромбический с расходящимися лучами.

Они сидели за уставленным пустыми и полными кружками с жидкой пеной в полуподвальной пивной «Лобстер», где лобстеры отродясь не водились, потому что, в основном, здесь проводила время не приученная к гастрономическим изыскам Богатыньская шпана. Было душно, разило разбавленным пивом и пересушенной таранкой. Полутемный зал был пуст, только тетя Маша за стойкой, подбоченясь, рассматривала шумную молодежь. Она была толстой, с лицом Бульдога, и будто вынырнула из советских времен, когда такие, как она, торговали кислым разбавленным пивом с видом благодетельниц, одаривающих ничтожных местных алкоголиков, соглашающихся пить эту дрянь.

– А ничо, – пожал плечами Гвоздик. – Ниндзю схоронили, и все.

Лопух скорбно кивнул – дескать, не смогли проводить боевого товарища в последний путь. И добавил, чтобы подчеркнуть, что они тоже пострадали:

– Мы в то время в «Сизом голубке»⁴ парились.

– Парились они! – Берц выругался, презрительно рассматривая сотоварищей. – Вот в зону бы попали, тогда и узнали, какой там пар! Я даже спал с заточкой под подушкой... Каждый день приходилось от «козлов»⁵ отмахиваться. Не ты его завалишь, так он тебя!

Гвоздик сочувственно вздохнул.

– Хорошо, что амнистия подоспела!

– Хорошо! – недовольно буркнул Берц. – Настоящий пацан должен срок по «звонку» отбивать! А все «условники», – это для слабаков! Я бы свой срок на одной ноге отстоял и никаких бы помиловок не писал! Но амнистия – дело другое: я о ней не просил – выписали справку и выставили за вахту пинком под зад!

– Так ты что, не рад? – удивился Лопух.

– А чего радоваться? – скривился Берц. – Мне зона – как дом родной! Это вы, лохи, радуетесь, хотя вас еще жареный петух по-настоящему не клевал!

Он с треском разорвал на две части вдоль хребта серебристую рыбешку и впился зубами в твердое соленое мясо.

– Ну, базарьте, что вы тут без меня делали? Банк не взяли, это точно, иначе бы в газетах написали и по телеку показали.

Гвоздик и Лопух, понурившись, молчали.

– Дык какие дела? Мы же под приговорами... В инспекции отмечались, участковый приходил... За каждым шагом следили...

⁴ От аббревиатуры СИЗО – следственный изолятор.

⁵ «Козлы» – прозвище активистов в колонии.

– На фиг вы кому нужны, следить за вами! – Берц несильно хлопнул его по щеке. – Ментам больше делать нечего? Ничего без старшего сделать не можете! Даже со стола убрать!

Он махнул рукой, сдвигая пустую посуду и рыбью шелуху, звякнуло толстое стекло.

– Привели в дешевый пивняк, сидите среди говна и радуется! Разве так пахана на воле встречают?

Он встал, враскачку подошел к стойке и внушительно сказал:

– Слышь, ты, корова, теперь это наша точка будет! Наведи порядок, чистоту, пойло хорошее завези, рыбу... А если кто будет спрашивать, так и скажи: «Берц из зоны откинулся!» Очевидно, он хотел сказать что-то еще, столь же убедительное и авторитетное, но не успел, потому что прямо перед его лицом блеснул длинный и широкий нож в рыбьей слизи, и потому отвратительно воняющий испорченной рыбой. И если бы Берц продолжал говорить, то он наверняка лишился бы носа, поэтому пришлось отскочить, прервавшись на полуслове, а после такого стресса плавность речи и охота к поучениям исчезли, и он вернулся к своему столику, поручив дальнейшие дипломатические переговоры Лопуху.

Лопух засуетился, стал орать на толстуху, та на него, но, поорав, вызвала из подсобки немолодую смуглую женщину, которая быстро навела на столе порядок.

– Короче, будем «делюгу» готовить! – сказал Берц. – Оружие есть?

– Откуда? – спросил Лопух и отодвинулся, бросив быстрый взгляд на Гвоздика. Такого резкого разворота событий они не ожидали. Ну, ладно, тряхнуть пьяного, барсетку из машины дернуть – это еще куда ни шло. Но вот так круто сразу закручивать... Раз оружие – значит, кого-то валить придется, а в такой крутяк ввязываться им не хотелось. Но сказать это вслух никто не осмелился.

– Кого из надежных пацанов знаете? – требовательно спросил Берц.

– Да нет никого, – сказал Гвоздик. – В том-то и дело...

– Значит, искать надо!

– Мы эту видели... Ну, Цифру...

– И что? – заинтересовался Берц. – Как она? Чем дышит?

– Поднялась... На тачках катается, каждый день в «Аквариуме» сидит, прикинута как положено, хату поменяла – с балкона весь Левый берег виден.

Берц сосредоточенно выковырял из таранки твердую желтую икру, отправил в рот, пожевал, запил пивом.

– Это из-за нее Ниндзю грохнули, – наконец, сказал он. – Сука она конченная. Но нам подходит. Навестим ее завтра, перетрем.

Его сотоварищи хмуро молчали. А молчание, как известно, знак согласия.

Цифра

У Цифры они не загостились. Больше того, она вообще им не открыла.

– Чего пришли? – спросила сквозь дверь и зевнула.

– Как чего? – возмутился Лопух. – Берц «откинулся», отметить надо.

– Ну, отмечайте. Я-то при чем?

– Нехорошо, подруга, – сказал Берц. – Не положено так по понятиям. Человека с зоны по-человечески встречать надо.

– Так давай по-человечески! Пригласите меня в хорошее место, хоть в «Аквариум», хоть в «Озеро», куда пойти не стыдно. А чё вы ко мне припёрлись? Или я вас в гости звала? Стол накрыла, вон, утка в духовке жарится...

Пацаны переминались с ноги на ногу. Цифра никого не звала в гости, столы не накрывала и готовить не умела. Не то что утку – бутербродов не нарежет.

– Да у нас все есть, – попытался оправдаться Берц. – И бухло и закусь...

– Небось, принесли бутылку самопальной водяры, нарзан да триста грамм самой дешевой колбасы? А хлеб забыли!

Точно так оно и было, только когда Цифра это угадала, признаваться в своей убогости стало стыдно. Берц сделал знак Лопуху: мол, не звякни бутылками в пакете, и, стараясь, чтобы голос звучал солидно, ответил:

– Сейчас носить ничего не надо: позвоним – и пиццу привезут, и шашлык, да что хочешь! Мы за тобой пришли. Куда скажешь, туда поедem.

– Щас чего ехать? – сказала Цифра. – Я только проснулась.

Лопух посмотрел на часы. Час дня.

– Поздно спишь, – сказал Гвоздик.

– Это не твоё дело, с кем я сплю, сколько, да за сколько, – отозвалась Цифра. – Короче, если надумаете, ежайте вечером в «Аквариум», можем там перебазарить, а можем куда-нибудь отъехать, чтобы с вами не светиться. Только я на машинах друзей сейчас не езжу, пить за рулём боюсь.

Берц захохотал было с превосходством: «А мы, мол, ничего не боимся!» Но тут же оборвал смех, ибо выглядело это глупо. Лопух и Гвоздик от каждого полицейского шарахались, да и сам он не очень хотел вернуться в любимую, вроде бы, им зону.

– Хорошо, – сказал он. – Договорились.

Выйдя из подъезда, они постояли, посмотрели по сторонам, потом глянули в небо, по которому плыли легкие белые облака.

– Деньги есть? – спросил в пространство Берц.

Его сотоварищи принялись шарить по карманам, как будто запомнили, сколько у них там рублей, долларов или евро. Но очень быстро они обнаружили, что денег в карманах нет, только заваливавшаяся мелочь, на которую ни в «Аквариум», ни в «Озеро» Цифру не пригласишь, только бутылкой газировки угостить можно, и то если в магазине купить, а не в кафе, где цены совсем нев...ные. В смысле невыносимые.

– Нету денег, – подвел итог Берц. – Значит, доставать надо!

– Как доставать? – насторожился Лопух.

– Да очень просто. Как мы доставали?

– Что, опять к банкомату пойдём? – спросил Гвоздик.

И по тону ясно было, что пацаны не горят желанием идти по проторенной дорожке, которая привела их в СИЗО.

– Дурак ты, – сказал Берц. – Нам надо теперь почерк менять, по-другому работать надо.

– А как по-другому работать?

– Да так! «Крыши» ставить надо...

– Нда-а. Это-то хорошо, только все «крыши» уже стоят, – заметил Лопух.

– И туда если сунешься, то ноги не унесёшь, – добавил Гвоздик. – Нас трое, а там группировки...

И Берц возражать не стал. Он понял, что старые кореша иной раз бывают правы.

– Ну, пойдём на рынок. Может, кошелёк у кого дёрнем.

– Ну, пойдём, – сказал Лопух.

На рынке они провели полдня, но ничего не дёрнули. Каждый торговец держится за карман и умеет определять, где покупатель, а где вор. И покупатели здесь настороженно держатся: на базарах испокон веку карманники свирепствуют... Бесцельно слоняющиеся пацаны привлекли внимание – несколько человек с повязками рыночной охраны, а на самом деле из бригады Кима, подошли и сказали:

– Дёргайте, ребята, отсюда, здесь место занято и вам ловить нечего.

Негромко сказали: вежливо, культурно, с уважением. Но твердо. С ними шутки не пошутить, и не повыступаешь – себе дорожке обойдется. Хорошее отношение понимать и ценить надо. А то вмиг окажешься в инвалидной коляске, а может, и на погосте. С чужими деньгами шутить нельзя.

– Мы все поняли, братское сердце, – так же вежливо ответил Берц.

Раскланялись и разошлись.

– Всё-таки банкоматы – дело самое верное, – сказал Лопух.

– Да мы уже на банкоматах засвечены, му... с Нижнего Тагила! – разозлился Берц. – Как только кого-нибудь нахлобучим прежним образом, наши дела тут же поднимут: а-а-а так Берц только освободился! Его работа и его коды! Пойдём, лучше, на автовокзал, там «лебедей» много водится.

– Кого? – спросил Гвоздик.

– «Лебедей», дурила! «Лебедь» – это пьяный, с которым можно что угодно делать, он потом и не вспомнит... Такие заявы не пишут, да у них и не принимают...

Надо сказать, что Берц оказался прав. На автовокзале они нахлобучили пьяного в туалете, отняли у него кошелёк, в котором оказалось пятнадцать тысяч. Когда убежали подальше, зашли в подъезд и между этажами стали рассматривать добычу, Берц одобрительно крикнул, а Гвоздик помотал головой.

– Не, – говорит он. – Эту суку на пятнадцать тысяч не напоишь, да и не накормишь. Знаешь, сколько сейчас в ресторане рыба стоит? Ниндзя как-то рассказывал...

– Да-а. Жалко, Ниндзи нету, – сказал Берц.

И они замолчали.

– Надо к банкомату идти, – сказал Лопух.

– Банкомат больше двух тысяч не даст, надо карточку отобрать у того, кто только зарплату получил. А сейчас все зарплаты на карточки получают.

– Ну, и дальше что?

– А дальше взять его, и пусть снимает все деньги. А мы в стороне постоим: пусть его камера снимает. А он потом нам их и отдаст по доброй воле. Это уже не разбой будет, а кража, за нее условно дают...

– Стрёмно как-то, – сказал Гвоздик и поёжился. – Мы все под условкой ходим.

– Стрёмно, значит, иди на Ростов-Товарный, разгружай вагоны. Три тысячи с вагона. Пару-тройку вагонов выгрузишь, вот и принесёшь свою долю!

Гвоздик только вздохнул. Разгружать вагоны ему было непривычно. В конце концов, сделали так, как сказал Берц. Поехали подальше, вышло так, что оказались они в Электро-монтажниках. Походили, посмотрели: дома новенькие, магазины только открылись, Дом быта, автосервис какие-то кавказцы держат, кинотеатр скоро запустят... Людей немного:

кроме местных жителей тут никому делать нечего, все бегут куда-то по своим делам, квартиры, небось, без присмотра...

– Хорошее место, – сказал Берц. – Тут, наверное, ещё никто не стал окучивать.

– Не знаю, – помотал головой Лопух. – Таких мест, по-моему, сейчас нету.

Возле пивной они взяли под руки какого-то работягу, показали ему нож, и Берц объяснил ситуацию: мол, только с зоны откинулись и он, как честный фрайер, должен их «подогреть». Работяга сам ввёл пин-код и снял всё, что на карточке было. Было там двадцать тысяч.

– Вот это уже деньги, – сказал Берц и пожал работяге руку. Потом вдруг снова вытащил нож, упёр в живот.

– Только смотри, если вдруг думаешь стукануть на нас, имей в виду, я тебе пику по самую рукоятку засажу.

– Да нет, ребята, нет. Я по-хорошему расходиться привык, – ответил терпила и мгновенно исчез.

* * *

Цифра выглядела сногсшибательно: красные босоножки на высоченной «шпильке», короткий красный сарафан с открытой спиной, перечеркнутой двумя бретельками, и маленькая красная то ли сумочка, то ли кошелек. Маникюр, педикюр – все, как положено центральной телке. Бывшие «Грачи» обалдели, когда ее увидели, особенно Берц – у него даже челюсть приотпала.

Хорошо, что они сразу приехали на такси и, по капризу дамы, отправились в «Голубое озеро». Это был большой и современный ресторан в загородной зоне, довольно далеко от Дона, но почти на самом берегу искусственного озера, где когда-то, давным-давно, был песчаный карьер. А когда нужное количество песка выбрали, огромную яму затопили ледяные ключи, бьющие из-под земли. Так и образовалось озеро, которое и дало название заведению, хотя оно скорее было не голубым, а серым. Вода, конечно, ледяная, родниковая, мало охотников купаться находилось даже в жаркий солнечный день. Но сидеть на воздухе, у воды, было хорошо, и они заняли беседку на берегу. Цифра сидела во главе стола, как королева. Справа от неё сел Берц, напротив – Лопух, а Гвоздик сидел справа от Берца, на противоположном конце стола от Цифры.

– Ну, как дела? – спросил Берц.

– У меня дела всегда хорошо, – ответила Цифра. – Чего нельзя сказать о вас. Все, как дураки, попали в тюрьму. Хорошо, повезло, что сейчас не чалитесь, а сидите и шашлык заказываете...

– А родители что? – не унимался Берц.

– Ящик мне не родитель. Я его сжечь хотела, только он и сам сгорел. А мамашка, как в ковбойских фильмах: отстреливалась, а потом застрелилась. Так ей, суке, и надо!

– Почему? Они же оставили тебе наследство? – то ли спросил, то ли констатировал Лопух.

– Все мое наследство – дурные привычки, – отрезала Цифра.

– Да-а-а. Как жить думаешь? – спросил Берц.

– А ты мне что, папа? – ответила Цифра. – Или хочешь меня на содержание взять? Так у тебя таких денег нет!

– Да ничего я не хочу, – ответил тот. – Просто так спрашиваю.

– Просто так серьезные люди языком не метут, – сказала Цифра. И была права, как будто это она волокла срок в зоне, а не Берц. Тому даже возразить было нечем.

– Слушай, – Берц понизил голос. – А у тебя оружие есть?

Наверное, этим вопросом он хотел показать свою серьезность.

– Есть, под юбкой. Без промаха стреляет! – Цифра засмеялась. И тут же оборвала смех. – Дураки вы конченные! Откуда у меня оружие? У Ящика было ружьё, но теперь ни Ящика, ни ружья, ничего нет.

– А ты говорила, что у вас на даче кое-что было, – не отставал Берц.

– Что было, то сплыло, – сказала Цифра. – Дача-то сгорела. Если честно, то я её сама и подожгла.

– Зачем? – влез Лопух.

– Надоела, – ответила Цифра.

– Короче, у нас есть планы, как деньги делать. Будешь с нами работать? – спросил Берц.

– Нет, мальчики, – Цифра высокомерно улыбнулась. – Вы будете копейки сшибать и рисковать на каждом шагу. С вами свяжешься – в тюрьме окажешься. Мне это не климатит.

– А что ты делать будешь? На работу устроишься? – спросил Берц ядовито.

– А зачем мне работа? Квартира у меня есть, на машинах катают, денег тоже перепадает. Я почти каждый вечер в какой-нибудь ресторан иду. И повеселиться можно, и поесть, да и кавалеров много. А кавалеры сейчас богатые и нежадные.

– Так, может, ты нам будешь этих кавалеров подставлять? – спросил Лопух.

– Смотри, как бы они тебя не подставили, – ответила Цифра. – Соображай, что спрашиваешь, а то можешь без башки остаться.

Пацаны примолкли. Тем временем принесли горячую барашку, овощи на мангале, чурек, водку, и за столом стало веселее. Цифра пила водку наравне со всеми, и когда дело подошло к концу второй бутылки, она сказала Берцу:

– Ты мне, может быть, ещё и пригодишься. Напиши телефон.

– А ты что, не помнишь? – спросил Берц.

– Да я его никогда и не знала. Зачем он мне?

– А сейчас зачем понадобился?

– Увидишь, – загадочно сказала Цифра.

Уезжать она затеялась одна. Берц предложил такси вызвать, но она отказалась.

– Сама уеду!

И действительно, не успела она процокать по каменным плитам от беседки к воротам, как к ней уже пристроился какой-то солидный «папик», они перебросились несколькими словами, Цифра кивнула и привычно запрыгнула в «Лексус» на переднее сиденье. Лимузин бесшумно тронулся с места и быстро набрал скорость. Берц, Лопух и Гвоздик молча смотрели вслед.

– Нет, пацаны, по-другому надо работать, – сказал Берц. – А то так и будем в дураках ходить.

Его друзья тяжело вздохнули. То ли они не поняли, что он имел в виду, то ли не хотели понимать.

Клоп

Жилой район Электромонтажники постепенно оживал. Почти все дома уже были сданы в эксплуатацию, постоянно заезжали новые жильцы, всю работу Дом быта, авто-сервис, сауна, вот-вот должны были запустить кинотеатр, работали магазины, расширился небольшой рынок – словом, жизнь была ключом. И каждый день за веселым сине-желтым забором, в уцелевшем на самой границе новостройки частном домишке ровно в 9-00 проходило совещание. Не прорабское совещание фирмы-застройщика, и не оперативка строительного треста, и не подведение итогов с поставщиками, нет. Утренний сходняк. Бригадирский час. Дракоша, Ломоть, Сашка, Арбуз докладывают обстановку, а Клоп их выслушивает, дает советы, указания, приказы... Только говорят они не о сроках сдачи домов, не о недопоставках цемента и кирпича, не о качестве бетонных плит. Говорят они о деньгах.

Смотрящий за районом несколько погонял имеет, но те, что с ним тут «терки трут», знают только одно, воровское – Клоп. Потому что Лешим его знал только опер Лис, с которым они уже давно горшки побили и разошлись, как в море корабли.

Клоп сидит во главе стола в старинном кресле, подушки подложил, чтобы удобно было. Закройщик Арамаис из Дома быта, все ему новый костюм пошить предлагает, только после того, как Лис обозвал его клоуном, или даже обезьяной при клоуне, Клоп выделяться перестал: сидит в спортивном костюме, кроссовках да в накинутой на плечи короткой джинсовой курточке ценой в две копейки. Он старой закваски вор, а потому должен пример скромности подавать и этого... как его... аскетизма! Только кому теперь подавать такие примеры? Воры «закон» забыли, сами в торгашей превратились...

И деньги, которые он собирал с Электромонтажников, были неплохими, но не такими, какими ожидалось. Не такими, как нашептывало ему все окружение: заработают Монтажники, так ты сразу графом станешь!

Но графом он не становился – по-прежнему ездил на старой Волге «М-21», перестал носить замшевую куртку и туфли в цвет, модные джинсы и вызывающий берет. Но беспокоило его, что общак не растет: старшие могут подумать, что это он крысятничает!

– А скажи, Арбуз, мы нормально бабла снимаем? – вдруг спросил он, сбив с мысли выступающего бригадира. – Район-то застраивается, новые точки в строй входят, а бабла как было, так и есть!

– Крысят, Васильич! – отозвался Арбуз. – И свои крысят, и чужие наезжают. Позавчера какая-то бригада высадилась, начала хозяев магазинов и торговцев рыночных отжимать...

– А ты что? – неожиданно громко каркнул Клоп. – Для чего мы «экстренную помощь» создали? Чтоб на месте мигом были!

– Так мы и приехали, Васильич! – Арбуз выставил огромные, как лопаты, ладони. – Объяснили, рассказали, все по правилам, как положено... Но они в последнее время так сразу не уходят, приходится палками да кастетами их правилам учить! А эти, суки, ножи достали, Петрушку подрезали, мне рукав на куртке распорили – хорошо отскочил вовремя! Ну, мы их тихо на стройку вывезли, да троих, самых борзых, в отвалах от шестнадцатизатной башни и прикопали...

– Это надо аккуратно делать, чтобы людям глаза не рвать да свидетелей не плодить, – нравоучительно сказал Клоп. – Только мне кажется, как-то не так у нас дела пошли... Наперекосяк. Не в ту сторону. Почему они к нам идут? Кто их засылает? Вот тем и надо предъявлять!

– Да, вроде, никто их специально не засылает, – раздумчиво произнес Дракоша. – Просто отморозки лезут сюда, как будто Монтажники ничейные! Уважения нет. Значит, слабину чувствуют...

Клоп нахмурился.

– Значит, с сегодняшнего дня закрутить гайки до отказа! Раз не бояться, надо страх навести!

Братва покивала головой, соглашаясь.

Но неожиданно дело обернулось совсем не так, как предполагалось. Растерянный Арбуз принёс Клопу повестку, которых он давно не получал и которых боялся как огня, ибо они напоминали о той, его давней жизни, когда на свободе он находился меньше, чем в колонии или следственном изоляторе.

Сейчас повестка, выписанная по всем правилам, на имя гражданина Клищука предписывала ему явиться в участковый пункт полиции к сержанту Самоварову. Но вызов к сержанту – это не вызов к начальнику уголовного розыска. И хотя Клоп привык к уважению и считал, что вызывать его должен как минимум подполковник (скорее всего, такая мысль осталась у него после общения с Лисом, который в период их совместной работы достиг такого звания), но деваться было некуда, и гражданин Клищук, он же Клоп, отправился по повестке.

В небольшом, чистом, пахнущем свежей краской кабинете сидел худощавый молодой парень в форме сержанта полиции, который с любопытством рассматривал вошедшего гражданина. Что удивило старого арестанта, так это его лицо, глаза, манеры... Все это было не ментовское, а босяцкое, будто на своего брата-уголовника надели форму, чтобы какую-то делюгу проверить.

– Это ты – Клоп, что ли? – спросил он.

– Кому Клоп, а кому гражданин товарищ Клищук, – ответил Клоп, хотя чувствовал, что ему не по себе и в этом кабинете, и от тона, который взял незнакомый сержант. А проснувшийся в нем Леший пожалел, что прервал отношения с Лисом, потому что его осведомитель никогда не оказался бы без защиты в кабинете у какого-то сержанта.

– Короче, так, – сказал участковый. – Я слышал, что ты тут шишку держишь, данью всех обложил, Смотрящим себя назвал.

– Я не «ерш» и не «апельсин», чтобы самому называться, – высокомерно сказал Клоп. – Меня люди поставили за порядком смотреть.

– Да плевать мне, кто ты есть. У тебя куча судимостей, и сейчас ты на свободе находишься только по недоразумению, – сказал участковый.

– И что дальше? – дерзко ответил Клоп, хотя эта дерзость давалась ему нелегко.

– А дальше то, что ты будешь под нашей крышей ходить, – улыбнулся участковый и переложил с места на место пачку каких-то бумаг.

Клоп понял, что к нему они не имеют никакого отношения – это текущие жалобы и заявления от жителей, обычная канцелярщина. Просто сержант его пугает: вот, мол, сколько у меня на тебя компромата собрано! На пушку берет, фрайер! А вот проверю-ка я его на вшивость!

– А какие такие у меня судимости?

– Что?! – удивился сержант, и Клоп понял, что списка его «ходовок» сержант изучить не удосужился.

– За что я судимый-то?

– А то сам не знаешь! – парень еще не набрал опыта и потому быстро стал злиться. – У тебя вся учетная карточка исписана!

– Так они погашены все! И теперь я считаюсь перед законом и людьми чистым! Эхе-хе-хе... Сержанты участковыми стали, вызывают человека, а о нем ничего не знают... Лет десять назад, если бы капитан Василий Семенович Краснолуцкий меня вызвал, так он бы знал не только то, что я вчера нарушил, но и что на завтрак ел! И как я сегодня оправился!

– Эти десять лет уже прошли! – участковый вынул из-за сейфа и положил на стол палку из литой резины. – Сейчас время другое! И будешь умничать, окажешься в камере вообще без всякого завтрака! Только кровью харкать будешь да оправляться собственными внутренностями!

Похоже, сержант Самоваров разозлился всерьез. Но сказал лишнее: ведь надо знать – кому можно всякое фуфло гнать, а кому нельзя... «Фильтровать базар» его не научили, а сам тем более не научился по той простой причине, что ничему учиться не умел, да считал, что раз на нем форма и сержантские погоны, то он и так ученый! Но сержантской учености не хватило, чтобы увидеть искры, вспыхнувшие в прищуренных глазах опытного рецидивиста и понять, что из них может возгореться пламя.

– Поэтому слушай меня и не доводи до крайности! Сказано, будешь под нашей крышей ходить, значит – так и будет!

– И что это значит? – спросил бывший агент уголовного розыска. Он понял, что время действительно изменилось и сейчас этот молодой сержант может ни за что отбить ему почки и отвезти в отдел. А может – прямо в отвалы земли, вынутой из-под очередной многоэтажки...

– А значит это, что будешь на нас работать: и подсвечивать район, и сдавать нам нехороших людей, и, конечно же, деньгами делиться, причем не пополам, как ты, наверное, подумал. Долю мы тебе малую оставим, вроде пенсии, а всё остальное пойдёт моему начальнику, уж он знает, как им распорядиться.

– А кто у тебя начальник? – возмущённо каркнул Клоп.

– Лейтенант Ставрыгин, начальник отделения полиции.

– А где ж это отделение? – удивился Клоп. – Я и не слышал про такое.

– Пока не было положено слышать, так и не слышал. А теперь смотри: видишь, в подъезд напротив мебель заносят – вот там оно и будет. Завтра откроется.

Клоп молчал. Это был наглый наезд, наезд по-чёрному, точнее, по-красному. И на этот наезд он не мог ответить тем, чем отвечал когда-то Черкесу, Северу и другим наглым чужакам. Потому что он всегда чувствовал стену за своей спиной. А сейчас стены нет и спина голая.

– Ну, что стоишь как статуя? – сказал сержант. – Ты понял меня?

– Тебя я не понял, но твои слова разобрал, – ответил Клоп. – Да и ты, я вижу, меня не понял...

Всем своим видом Смотрящий дал понять, что сержант Самоваров упорол большой косяк, понимать который гражданин Клищук вовсе не обязан, а тем более не станет он соглашаться со всяким фуфлом. Впрочем, участковому было плевать на его понимания и ощущения. Потому что он как раз чувствовал стену за своей спиной, хотя еще не понимал, что сложена она из искусственных кирпичей, как в театре.

– У тебя сборы по четвергам, – сказал Самоваров, наконец-то проявив осведомлённость в конкретных делах.

Клоп молчал.

– Вот в четверг и будешь заносить девяносто процентов, только смотри, без обмана.

– Подожди, а чем я ребят кормить буду?

– А что, твои ребята – инвалиды, что ли? Если хочешь, мы их на бесплатное кормление переведём, а если заартачатся, то на инвалидность. Как захотим, так и сделаем. Это-то ты понимаешь?

– Понимаю, – недобро сказал Клоп и вышел.

Когда он вернулся и пересказал разговор своим, братва подняла шум и гам.

– Совсем оборзели! Краев у стакана не видят – все лей да лей! – возмущался Дракоша.

– Да они нас совсем разденут, догола! – кричал Ломоть.

– Слушай, а давай мы этого Самоварова приплющим слегка, чтобы смысл жизни понял? – предложил Арбуз.

– Да он же не сам от себя, – возразил Сашка. – Менты нас асфальтовым катком приплюшат в ответку!

– Хватит базарить! – ударил ладонью по столу Клоп. – Я подумать должен. А там решим!

Через два часа, после серьёзных раздумий, Леший все же позвонил своему бывшему куратору, полковнику Кореневу.

* * *

– Это ты, Петруччо? – спросил Лис, не высказывая ни малейшего удивления, как будто бывший агент звонил ему последний раз на прошлой неделе. Впрочем, он никаких эмоций не высказал.

– Я, я, – покаянно отозвался тот. – Встретиться надо, дело есть.

– Ну, надо, давай встретимся, – равнодушно сказал Лис.

Он был профессионалом, а профессионал не отказывается от услуг многолетнего информатора, даже если тот и начал крутить хвостом в последнее время. Они договорились встретиться в точке № 2. Это было условное обозначение стройки рыбокоптильного завода на набережной. Когда-то здесь был пустырь, теперь возник серый бетонный скелет четырёхэтажного здания, но по-прежнему воняло рыбой, отходы которой выбрасывали с соседнего рыбообработочного цеха.

На этот раз Лис особенно не маскировался, да и Леший пришёл в спортивном костюме, кожаной куртке и надвинутой на глаза кепке. Оба не бросались в глаза, не привлекали внимания, хотя и не скрывали подлинную внешность, как обычно. Видно, обоим надоели конспиративные игры. А может, Леший уже не считал себя агентом, а Лису было уже на него наплевать.

– Как живёшь, Петруччо? – спросил Лис. – Слышал я, поднялся ты в Монтажниках, в Смотрящих ходишь, бабло приличное поднимаешь... Не помнишь, кто тебя этому научил?

Леший промолчал. Научил его куратор, который стоял перед ним, широко раздвинув ноги, засунув руки в карманы, и презрительно улыбался.

– А теперь, наверное, – продолжил Лис, – наколотил бабла, собрал кучу информации и пришёл ко мне отблагодарить за хороший совет. Так? А где мешки с деньгами и чемоданы с компроматом? Хотя нет, подожди!

Лис поднял палец.

– Есть хорошая поговорка: «У победы много отцов, а вот поражение – всегда сирота!» А я смотрю – вид-то у тебя сиротский! Ты чего это ту курточку клоунскую не надел? Тебя в ней за версту видно – какой ты красивый да богатый...

Леший сжал челюсти и молча терпел издевательства.

– Нет, не с благодарностью ты явился! Скорее, всё по-другому. И бабла ты накопил, и информации собрал мешок, но не за этим ты сюда пришёл. Просто у тебя появились проблемы, и тогда ты вспомнил про своего старого друга Лиса... Так?

Клишук, опутив голову, смотрел в землю.

– Ну, вот видишь, я ж никогда не ошибаюсь, – сказал Лис. – Давай, рассказывай.

– Местный участковый на меня наехал, – не поднимая головы, начал свой печальный рассказ Леший. – Не от себя, от всех ментов. Сказал, что теперь время другое и я под их крышей, и буду делать, что скажут...

Выслушав агента, Коренев задумался. Время действительно наступило другое. Каждый рвёт под себя, что может вырвать, и неизвестный ему сержант, которых теперь стали

назначать участковыми вместо мудрых, знающих жизнь, участок и людей офицеров, так вот этот парень, он считает, что имеет право получать свою долю с того, кто кормится на его земле. Придумал это сержант не сам, так ему сказал непосредственный начальник, да и все вокруг так делают, и поэтому он думает, что если он прижмёт какого-то неоднократно судимого Клищука, то это в порядке вещей и ничего противозаконного тут нет. Наоборот, так, вроде бы, даже и положено. А если вдруг грянет гром и его «хлопнет» УСБ или следственный комитет, и он окажется в следственном изоляторе, причем не в кабинете для допросов, куда ему выводили задержанных, а в камере, в которой таких хитрецов будет семь или восемь, только тогда он начнёт подозревать, что не всё так просто в этом мире и забирать бабки у кого ни попадя, на самом деле нельзя, даже если на тебе есть погоны и тебя поощряет к этому собственный начальник.

Но гром не прогремел, не блеснула молния, и что мог сделать сейчас начальник уголовного розыска для своего агента? Ещё несколько лет назад он мог пойти к начальнику отделения в Электромонтажниках и переговорить с ним по-свойски: так, мол, и так, это мой человек, ты его сильно не прессуй, найдите общий язык. Сейчас это гораздо сложнее, надо специально готовиться, потому что то, что он скажет лейтенанту, через два дня может стать известно всем Электромонтажникам, а может, и всему Тиходонску! И Лешего найдут повешенным или с перерезанным горлом, только что камень в рот ему не вставят, как делают итальянские мафиози. Наши бандюки пока ещё до этого не додумались и ритуалы специальные не соблюдают...

– Ну хорошо, Леший, – задумчиво сказал Лис. – Я подумаю, что можно сделать. А меня интересуют убийства водителей. Слышал, небось? И ты над этим подумай!

Леший понял всё с полуслова. Это было похоже не на обещание, а на отказ. Понимал он и то, что, явившись к Лису, он опять сел на тот крючок, с которого не так давно соскочил. Но дело было сделано, поэтому он кивнул, развернулся и направился к еще не огороженной перилами лестнице.

Глава 4

Гость из прошлого

Чужое мне не нужно. Но свое я заберу, кому бы оно ни принадлежало!

(Распространенный в современной реальности принцип)

Неизвестный

Рейс «Барселона – Москва» прибыл в Шереметьево точно по расписанию. Коренастый загорелый мужчина лет пятидесяти ничем не выделялся из массы пассажиров – веселых, загорелых, отдохнувших. Впрочем, нет – в отличие от остальных туристов у него не было никакого багажа, кроме небольшого зеленого рюкзака, с которым обычно ездят на экскурсии – и тот он купил в дьюти-фри, чтобы не привлекать излишнего внимания. Да и на слегка тронутым морщинами, волевом лице трудно было найти следы радости после хорошо проведенного отпуска – скорей озабоченность и некоторое напряжение. На пограничном контроле он предъявил российский паспорт на имя Соколова Константина Ивановича, потом, в густом потоке прилетевших, беспрепятственно прошел по «зеленому коридору» мимо острых ищущих взглядов таможенников и со смешанными чувствами вышел из аэровокзала.

Два года он не был на родине и уже привык к мягкому средиземноморскому климату, свежему морскому воздуху, легкой рыбной кухне, быстрому испанскому говору. Даже к новому имени привык – Миро Родригес, язык выучил, завел несколько товарищей, с которыми играл по пятницам в кости в прибрежной таверне... Не для души, а для дела: чтобы не выделяться среди жителей небольшого поселка на берегу бухты Кап-Салоу. По-существу, он сделал все то, что приходилось когда-то давно изучать в спецтемах: «Внедрение и длительное оседание», «Создание легенды»...

По прямой специальности он отработал семь лет: закладывал тайники с оружием в странах вероятного противника – на случай войны. Потом преподавал в специальном учебном центре, потом началась война и пришлось переключиться на параллельный – боевой профиль, только не в тылу врага, а на своей территории, на Кавказе... Когда уходил на пенсию, не думал, что профессиональные навыки еще когда-нибудь пригодятся, а нет – судьба забросила на старости лет в Испанию, и не нелегалом спецслужбы, а беглым преступником с навыками профессионала... Обустроился он там нормально и сделал все правильно, как учили, хотя одну ошибку допустил: восстановил на новом месте старую связь, но этому было оправдание – Кактус прекрасно подделывал документы. Кто знал, что Кактус работал с осевшими на побережье беглыми московскими бандюками, за которыми испанская полиция долго наблюдала, а потом произвела одновременно тридцать шесть арестов! Сам он чудом выскользнул из полицейской сети, уничтожил поддельный паспорт на имя Миро Родригеса и первым же рейсом вылетел в Москву. Впрочем, паспорт на имя Соколова тоже был поддельным, и паспорт с военным билетом на Серегина, по которым он жил всю жизнь, по большому счету, тоже. Хотя поддельными они не назывались – для документов прикрытия придумана другая терминология... И три тысячи евро, которые он успел захватить, были настоящими.

И вот теперь он стоял у остановки такси, среди толпы озабоченно снующего вокруг народа с сумками, чемоданами и портпледами, вдыхал бензиновые и дизельные ароматы и ощущал происходящие в нем самом изменения, как будто организм перестраивался на забытую жизнь и он медленно, но верно превращался в безымянного члена организации Колдуна,

когда-то носившего прозвище (или как ему больше нравилось – «позывной») Координатор⁶. В Испании остался маленький уютный домик на берегу, размеренная безопасная жизнь, к которой он успел привыкнуть, в банковском сейфе – приличная сумма денег, а в каждом полицейском участке – розыскной лист с его фотографией... Возможно, такие же листки имеются и в местной полиции, но это вряд ли – конспирация в организации была на высоте: об этом позаботился Колдун, а потом сменивший его по неизвестным причинам человек, которого он видел только несколько раз, и то мельком... Назывался он «Первым». И этот человек ему нужен, потому что, как ни крути, а жизнь ему они спасли ценой своей крови, а обещанных пяти лямов зелени не получили – в зеленом мешке оказалось только два! Значит, «Первый» теперь его должник!

Бывший Миро Родригес, бывший Александр Серегин, а ныне пока еще Константин Соколов привычно расправил плечи, забросил за спину рюкзак и маршевым шагом направился к автобусной остановке. На нем были широкие штаны цвета хаки и просторная куртка того же цвета с обилием карманов. Он чем-то напоминал выносливого туриста в дальнем походе или военнотружущего – только непонятно: отставного или действующего.

Через несколько часов в плацкартном вагоне он ехал в поезде «Москва – Тиходонск».

⁶ О банде Колдуна рассказывается в книгах «Антикиллер-2» и «Антикиллер-3».

Лис

Оперативка длилась недолго. Начальник Управления Волин был не в духе, и причиной тому были не служебные дела. Говорили, что сорвался перевод в соседний регион на генеральскую должность, поэтому он был мрачнее тучи и придирался к докладам подчиненных, как только мог.

– Как продвигается работа по делу Овакумяна? – строго спросил полковник, хотя по этому делу ему докладывали дважды в день и он хорошо знал, что розыск топчется на месте. – Какая новая информация? Версии? Зацепки?

Поскольку он смотрел на Коренева, то ему и следовало отвечать, тем более, что и по должности он нес всю ответственность за раскрытие резонансного убийства.

– Новой информации практически нет, – встал Лис. – Подворный обход результатов не дал. Там часто собирается молодежь, ведут себя нормально, но шумно: дверцами хлопают, бутылки оставляют, двигатели включают, музыку слушают... Но машины обычно попроще, этого «мерса» там никто не видел.

– Очень плохо! – повысил голос Волин. – Получается, что в центре города каждый вечер творится черт знает что, а полиция и в ус не дует! И вот пожалуйста: убит известный в городе коммерсант! Все газеты пишут, телевизор захлебывается, интернет... А уголовный розыск по-прежнему ничего не знает! Завсегдаи этой площадки отработаны?

– Да, человек десять, в основном, жители Западного микрорайона, возраст от восемнадцати до двадцати трех лет. Они часто там собираются, но «мерседеса» Овакумяна не видели. К тому же ему сорок пять, другая возрастная группа, ничего общего между ними быть не могло...

– А с кем могло?! Кто его убил? За что?

– Конфликтов у него ни с кем не было, – сказал Лис. – Во всяком случае, явных. По натуре он осторожный, абы кого в свою машину не посадит... День провел ровно, вечером был в «Цепях», пил мало, никого не снял, так один и уехал, вроде домой. А оказался здесь...

– Скорей всего, это случайная ссора, товарищ полковник, – внес Кленов свой вклад в копилку никуда не годящихся версий.

– На какой почве? Может, он кому-то закурить не дал? – издевательски спросил Волин.

– Может, передел собственности. Он хотел свой ресторан расширять, рядом база отдыха «Синяя волна», там Алисан хозяин. Тамаз предложил купить базу, тот отказал – он сам собирается гостиницу строить. Нашла коса на камень, слово за слово, деньги всегда разум туманят, а тут еще и обида...

– Проверьте этого Алисана! Всех проверьте, с кем у Тамаза был конфликт интересов по бизнесу! – приказал Волин, хотя это было и так ясно.

– Когда на кону бизнес интересы, солидные люди никогда заточками не разбираются, – сказал Глушаков.

На правах заместителя он получил возможность высказывать свои соображения и делал это при каждом удобном случае, хотя чаще всего попадал пальцем в небо. Но Волин к нему благоволил и даже провальные версии поддерживал и считал проявлением оперативной активности и наступательности.

– Наняли бы хорошего киллера, и тот бы чисто сработал!

– А может, и наняли! – назидательно поднял палец Волин. – Киллер не обязательно тротилом работает или «снайперкой». Сел в машину, вроде поговорить, улучил момент и ударил в сердце...

– Да непохоже на киллера, – с досадой сказал Лис. – И на случайную ссору непохоже!

– Это еще почему?

– Потому что у него забрали бумажник, сняли часы, цепь с шеи. По оперативным данным, из машины пропал незаконно хранимый пистолет. Это чистое разбойное нападение!

– Не согласен, Филипп Михайлович! – снова вмешался Глушаков. – Если это серьезный разбой, то почему «мерс» не забрали? Он один лямов шесть вытянет! А тут бумажник, цепь... Это лохи какие-то!

– А как же эти лохи попали к нему в машину? – спросил Лис. – Или он водится с теми, кто его за тысячу баксов и часы убить может? Может, Алисан его ограбил? Или колбасный король Серов? Кстати, у них у всех своих машин девать некуда!

Глушаков возражать не стал.

– А что по орудию преступления? – спросил Волин.

– Я занимался, товарищ полковник! – встал Веня Михайлов из Привокзального отдела. Молодой опер Лису понравился, и он взял его в бригаду по убийству. – Это какая-то самоделка. Осаднение по краям раневых каналов исследовали – какой-то алюминиевый сплав, оружие из такого не делают. Острия нет, лезвия не заточены, гарды нет, ну, этого переkreсть...

Михайлов для наглядности поводит пальцем у основания собственного кулака.

– Во входном отверстии раневого канала обнаружены крохотные клочки газеты...

– И что это значит? – вскинулся Волин.

– Судмедэксперт считает, что пользовались каким-то бытовым предметом. Завернули для удобства в газету и штрыкнули два раза.

– Что есть конкретного? – спросил Волин. – Оружие, клочки газеты – это частности. Что есть для раскрытия преступления?

Лис вздохнул. Преступления и раскрываются на частностях, начальнику УВД следовало бы это знать.

– В городе ходят слухи, что друзья Овакумяна пустили по городу машины-ловушки, чтобы поймать убийцу. Это правда, Филипп Михайлович?

– Слух такой слышал, фактической основы он не имеет.

– Ладно, все, идите, работайте! – замахал руками Волин: в кармане у него завибрировал телефон. – И чтобы к концу недели был результат!

Глушаков закивал, а новый начальник убийного отдела Гнедин даже приложил руку к сердцу, вроде поклялся, что к концу недели убийство Тамаза будет раскрыто. Выходили из кабинета они веселыми, как будто уже исполнили то, что обещали. Обсуждали, куда идти обедать, рассказывали анекдоты. Кленов, Мирон и Солдатов громко смеялись. По барабану им это убийство. Да и другие тоже... Это же работа. А работа уже давно отошла на второй, а то и на третий план.

Один Лис был хмурым. Он понимал, что дело это какое-то кривое, перекрученное, цели и мотивы в нем переплетены так, что не отдерешь друг от друга. Если бы на пьяного Тамаза напала у собственного дома такая же пьяная шпана, то версия Глушакова вполне могла иметь право на существование. Но сейчас она никуда не годилась. Больше того...

– Что вы такой озабоченный, Филипп Михайлович? – догнал его Михайлов. Похоже, только они вдвоем и думали о деле Тамаза. – Не думаете, что это «бытовуха»?

Лис покачал головой.

– Сдается мне, Веня, что это началась серия! – негромко сказал он и пошел к себе в кабинет.

Цыга и Лала

Возле кабинета его ждали Цыга с женой. Вернее, Цыга-то это точно был Цыга, только постаревший, а молодая цыганка могла быть женой, любовницей, новой женой, сестрой жены, короче – кем угодно. Правда, она не очень была похожа на цыганку.

– Вы к кому? – спросил Лис, хотя знал ответ на этот вопрос. – Кто вас сюда пустил?

– Глушак по повестке вызвал, – невнятно сказал Цыга. – Только он на собрании. Потому к тебе пришел!

– Совещание окончилось, вот и иди к Глушакову!

– Он заместитель, ты начальник, – улыбнулся золотым ртом Цыга. – С начальником полезней разговаривать.

Лис вздохнул, отпирая дверь.

– Ладно, заходи! На пять минут!

– А Лалу начальник не считает? – цыганка улыбнулась густо накрашенными губами. – У меня тоже разговор есть!

Одета она была довольно ярко, но не так, как могла бы. Длинная синяя юбка в складку, желтая шелковая кофточка с длинными рукавами. На голове испанский сине-желтый платок, на шее – монисто из золотых пятерок и десятков царской чеканки. По цыганским меркам наряд у нее был строгий и изысканный.

Цыга сел на стул, Лала осталась стоять, демонстрируя новенькие босоножки на чистых, к удивлению, ступнях.

– Слушаю, – сказал Лис, рассматривая Цыгу. Когда-то он был похож на стареющего Будулая, но теперь лицо обрюзгло, обросшие седой щетиной щеки свисают почти до плеч, под глазами мешки и черные круги. Да и глаза стали тусклыми, как оловянные пуговицы на шинелях вертухаев, охранявших Цыгу в молодости. Он был в не новом черном костюме, белой рубаше с распахнутым воротом, поношенных черных туфлях и черной шляпе, которую снимать не стал, даже сидя.

– Цыгане для всех одинаковые, цыгане во всем виноваты, – глухо заговорил Цыга. – А ведь мы все разные. Есть вlahи, по ним и обо всех других цыганах судят. У вlahов мужчинам работать не принято, женщины гадают, цветными юбками трясут, деньги просят, в дом несут... Но это не все цыгане! Ты про сэров слышал? Нет. А почему? Да потому, что они на вlahов не похожи, они образованные, аккуратно одеваются, как все, работают – учителями, врачами и у вас в полиции работают тоже... А лавари – мусульмане, в России их мало. Самые красивые женщины. Вот Лала из лавари – посмотри, разве она будет гадать на улицах?

Лис покачал головой.

– К Лале у меня претензий нет, я ее первый раз вижу. Но к чему ты мне эти басни рассказываешь?

– Это не басни. Это быль. Про жизнь моего народа. Почему вокруг обычной аварии столько шума?! Потому что цыгане рядом оказались? Если бы не Цыга, не Ахмед – все бы тихо-мирно рассосалось, так ведь? А раз машина Цыги, раз Ахмед у него работает – сразу воевать надо? Разве это правильно? Ну что я тебе сделал плохого? Когда я хоть столько неуважения к тебе проявил?

Цыга ногтем большого пальца обозначил крохотное место на подушечке указательного. Если бы вместо абстрактного неуважения, которое не имеет единиц измерения, на это место высыпать привычный Цыге порошок, то поместилось бы где-то два с половиной грамма. Еще пару лет назад эта доза считалась особо крупным размером героина. Но теперь особо крупный размер – это килограмм, даже в карман не поместится, надо в сумке носить. Позаботились законотворцы о Цыге и ему подобных: в четыреста раз особо крупный размер

повысили! Зачем, спрашивается? Чтобы зарабатывать больше, а рисковал меньше?! Не может такого быть! А как по-другому объяснить?!

– Что ты от меня хочешь? – устало спросил Лис.

– Дружить хочу! – страстно воскликнул Цыга. – Чтобы все между нами правильно было! Чтобы дружили красиво, веселились, время проводили! Жизнь-то быстро бежит! Я знаю, ты денег не берешь. А это неправильно: сейчас все берут! Если ты не берешь – значит, злой, голодный, жена недовольна...

– А с молодыми женами всегда проблемы, – певучим голосом проговорила Лала. – Тут зевать нельзя... Давай, начальник, я тебе погадаю...

– Пять минут прошли, Цыга. До свиданья. Если ты торговать наркотой бросишь, поступишь в институт, начнешь работать фельдшером или ветеринаром, я про тебя забуду.

– Не хочешь деньги брать – Лалу возьми! У нее высшее образование, хорошее воспитание, отдельная квартира. Послушная, красивая, хорошо готовит... Она и успокоит, и приласкает, и погадает, научит, как генералом стать да как от врагов спастись...

– Смешной ты мужик, Цыга! Зачем мне ваши гаданья? У меня работа есть, жена есть, врагов нет...

– Точно нет, врагов-то? – остро глянул Цыга.

– Живых нет. А генералом мне не стать, даже с помощью Лалы...

– Пойдем, Цыга, – сказала Лала. – Он же слепой, даже завтрашний день не видит...

– И что же там, в этом завтрашнем дне? – криво улыбаясь, спросил Лис.

Просто так спросил, для проформы. Он за свою милицейско-полицейскую жизнь много всяких сказок наслушался. И цыганских, и кавказских, и отечественных...

– Да хорошего мало, – надула губки Лала. – Призрак из прошлого тебя ищет, вот и враг. Причем очень опасный. Это раз!

Она согнула пальчик со свежим маникюром. Лис продолжал улыбаться. Все эти сказки похожи друг на друга.

– Живешь ты в долг: за твою жизнь уже один раз заплатили, да заказ не исполнили. Теперь вспомнили, решать будут – что с тобой делать... Это два!

Улыбка сошла с губ полковника. «Откуда она это знает?!»

– Ну, еще что скажешь?

– Крови на тебе много, и еще кровь невинную прольешь...

– Прямо-таки невинную? Ну, ты даешь... А еще что?

– Да так, ерунда всякая, мелочи! – Лала изящно махнула ручкой. – Жена рога наставит. И генералом тебе не быть, это ты точно заметил. Пошли, Цыга. У полковника много дел, ему с ними разбираться и разбираться...

Посетители вышли. В кабинете остался запах тонких, таинственных духов.

Незнакомец

В Екатериновку он приехал на такси. За годы, прошедшие с ночи «крестобойни», здесь ничего не изменилось: недостроенные краснокаменные особняки так и не выросли из солидных фундаментов в дворцы хозяев новой жизни, старенькие саманные домишки вокруг по-прежнему ветшали и разваливались.

Высокий забор, огораживающий огромное поместье Креста, стоял так же прочно и непоколебимо, как крепостная стена, но заросшие чертополохом и амброзией ворота, растрескавшийся асфальт подъездной дороги и высохшие цветочные клумбы выдавали, что крепость давно разорена захватчиками. В заржавевших створках можно было рассмотреть несколько пулевых пробоин, а дыру от гранатомета и рассматривать не было необходимости: звездообразное отверстие издали бросалось в глаза. Соколову показалось, что он чувствует запах дыма и обгоревших человеческих тел.

Перейдя через непаханое поле, он подошел к жилым домишкам, на скамейке возле одного из которых курили сигарки и отмахивались ветками от комаров три местных мужика. При виде незнакомца они настороженно замолкли.

– Здорово ночевали, станичники! – уверенно поздоровался Соколов.

Мужики внимательно осмотрели полувоенную форму и каменное лицо нежданного гостя.

– Из наших, из казаков, что ли? – взгляды аборигенов смягчились.

– Точно. Из верховых я. Теперь решил сюда перебраться, домик купить...

– Да этого добра тут хватает, – седобородый старик в казачьей фуражке с красным околышем и выдавших виды штанах с лампасами обвел рукой пространство вокруг. – Выбирай, что нравится. Их хозяева давно в город укатили. Хотя сразу предупреждаю: цены не сложат!

– Это верно, – усмехнулся средних лет мужчина, сидящий рядом.

– Хотя после этой истории, – он показал пальцем на забор Креста. – Покупать стали меньше, строительство совсем забросили...

– А что за история? – заинтересовался незнакомец.

– А-а-а! – с досадой махнул рукой старый казак. – Вот здесь поселился хороший человек, богобоязненный, его Крестом называли. Дорогу проложил, газ провел, церковь отстроил... И его друзья сюда потянулись, стали хорошие дома строить, магазин открыли, поле осушили, а то каждую весну тут все заливало... В общем, и жизнь оживилась, и цены на дома выросли...

– И что?! – нетерпеливо перебил Соколов.

– А то! Все шло хорошо, только вдруг ночью у Креста началась стрельба, стали рваться гранаты, начались пожары... Настоящая война!

– А кто с кем воевал? – живо удивился пришелец.

– А кто его знает! Потом столько всех понаехало – и милиция, и полиция, и эти, из газет... По домам ходили, все расспрашивали – кто что видел... А кто что видел? Все спали уже! А потом выстрелы услышали да пожары смотрели... Убили, в общем, благодетеля нашего, Креста. И друзей его много поубивали... И сразу строить перестали, так и бросили на середине... И вообще слава дурная про Екатериновку пошла: никто сюда не едет, магазин закрыли...

– Ну, самогонки-то купить можно? – Соколов достал одну из нескольких сохранившихся у него пятисотенных бумажек. – Хлеб, сало, соленья не перевелись?

Его собеседники оживились.

– Нет, натуральный продукт у нас завсегда есть! Давай, Сергеич, открывай погреб!

Через полчаса беседа плавно перетекла в неказистую хату старого казака, а сдобренная семидесятиградусным самогоном с салом, черным хлебом, и квашенными в бочке помидорами и огурцами, приобрела не только плавность и округлость оборотов речи, но и совершенно другую степень доверительности.

– Так и не узнали, кто это все учинил! – задумчиво сказал худощавый мужчина в растянутом трико и наброшенной сверху фуфайке. – А болтали всякое... Крест, вроде, из этих был, из арестантов. Ну, вроде, менты его с корешами и покноцали...

– Не может быть?! – изумился новый друг. – Такое только в кино бывает!

– Может, и в кино, – назидательно сказал хозяин дома. – Только участковый у нас здесь, в Екатериновке, живет. А сын его в Тиходонске, в Управлении работает, как раз этим делом занимался... Давайте выпьем за правду и справедливость!

Выпить пришлось по отдельности: стаканчик за правду, а другой – за справедливость. Почему-то посчитали, что правда и справедливость в одном флаконе не встречается...

– Ну, так и что? – без особого любопытства спросил Соколов.

– А то, Костя, что он и рассказал: самого начальника уголовного розыска в этом деле подозревали – Коренева! Его, вроде, вывезли к Кресту с мешком на голове, в подвал посадили и сжечь хотели, а он своих вызвал, вот они всем лютый ахерон и устроили! Только...

Старый казак набулькал всем самогона в очередной раз.

– Только не менты это были! Менты бы такую бойню учинять не стали! Ее даже назвали – «крестобойня»!

– А кто же, если не менты? – вяло спросил Соколов.

– Никто не знает! Коренев – не простой мент: хитромудрый – любого вокруг пальца обведет! Его не только бандюки, даже менты боятся, не зря Лисом кличут... Говорят, у него своя банда была. Только этого ни хрена не доказали, так он до сих пор и работает, как ни в чем не бывало!

Разговор получился душевный и затянулся до темноты. Расходились поздно, автобусы уже не ходили, и Сергеич оставил гостя у себя ночевать. Утром Соколов опохмеляться не стал: облился холодной водой, сделал несколько силовых упражнений и попрощался.

– Знаешь, Сергеич, твой самогон гораздо приятней пентотала натрия⁷! – сказал он на прощание. – А действует так же эффективно!

– Это еще что такое? – удивился казак.

– Водка такая!

Сергеич рассмеялся.

– Так тут и думать нечего! Натуральный продукт всегда лучше! Вот у тебя, Иваныч, сейчас голова болит?

– Нет, конечно! С чего ей болеть?

– А от твоего натрия бы, небось, раскалывалась! Натрий вообще яд!

– Это точно! – засмеялся Константин Иванович.

Вернувшись в Тиходонск, Соколов отправился на Богатыновку, за старый заброшенный крупозавод в роще, на косогоре, спускающемся к Дону. Нужное место он нашел почти сразу и, подкопав палкой сыроватую землю, вынул два кирпича из фундамента. Сунув руку в открывшуюся черноту, вытащил сверток из клеенки, замотанной алюминиевой проволокой.

Внутри, густо покрытый солидолом, находились пистолет Макарова, два магазина и две коробки с патронами. Это был один из его тайников, заложенный по всем правилам консервации оружия на территории будущей диверсионно-партизанской войны.

Теперь можно было переходить к конкретным действиям.

⁷ Пентотал натрия – сыворотка правды.

Серия

Оперативники в душе философы, хотя никогда в этом не признаются. И хорошо знают: два совпадения – уже не совпадение, а закономерность. Лис как в воду глядел: это оказалась серия. Вторую машину нашли на Левом берегу Дона, на уютной уединённой лужайке, на самом берегу – там был сухой песок и открывался красивый вид на бегущие мимо волны, а вокруг деревья и кусты, скрывающие от посторонних глаз. Тут можно и деньги делить, и валюту продавать, и оружие – место уединенное, пустынное, никто незаметно не подберется...

«Гелендваген» занимал почти всю лужайку – большой и массивный, как танк, с тонированными стеклами и кузовом толстым, словно броня. Водитель – гражданин Анатолий Иванович Шнуров сидел на своём месте, откинувшись на сиденье и положив руки на руль, казалось, что у него все в порядке и он мчит неизвестно куда, по своим делам. Но впечатление было обманчивым: мчать он никуда не мог и все дела у него закончились. Потому что на свитере Армани из тонкой бежевой шерсти были пробиты две маленькие дырочки размерами восемь на полтора миллиметра, будто моль проела, только запеклось в них что-то красное – после моли ничего подобного не остается.

Никаких значимых следов убийца, как и в прошлый раз, не оставил. Так же забрал бумажник и зачем-то ключи от машины, которые, впрочем, скоро выбросил: собака нашла их метрах в ста от места убийства.

Отпечатков пальцев в машине тоже было много, но ни один из них по-прежнему не был зарегистрирован в картотеке. Больше того, не было пальцев, которые совпали бы с пальцами из «мерседеса» Тамаза. Собака след взяла не так бойко, как в прошлый раз, и у дороги опять потеряла. На песке должны были остаться хорошие следы: они и остались, но уж больно неопределённой формы. Уж на что эксперт был опытный – двадцать лет выслуги, и то не смог сделать ни одного качественного отпечатка: и специальной аэрозолью укрепил песок, сыпучесть ликвидировал, и гипсом работал, и пастой «К», которая даёт более точные слепки, но получились только овальные цепочки вдавленных в песок следов, идентифицировать которые, конечно же, было нельзя.

– Что-то вы какой-то настороженный, Юрий Петрович, – сказал Лис и вовремя поймал себя за язык – хотел сказать: «Как Альма, когда что-то чувствует, а след взять не может!»

– Похоже, он на легкие туфли бахилы надел, – сказал майор, щелкая фотоаппаратом под разными ракурсами. – Размер, примерно, сорок первый, значит, рост 170–175... Только походка какая-то странноватая...

– Чем? – спросил Лис.

Криминалист только пожал плечами.

– Не могу ухватить...

– Что ж, спасибо за работу! – Лис пожал суховатую ладошку и подумал, что вряд ли кто-то из молодых потратил бы столько времени на эти, заведомо непригодные для идентификации следы.

Смеркалось, низко носились ласточки, то ли предсказывая непогоду, то ли рассматривая место происшествия.

– Компры на него никакой нет, – сообщил подошедший Гнедин с двумя телефонными трубками в руках. – Занимался торговлей, перевозками грузов, врагов не имел, конфликтов – тоже. Жил один, с работы уехал рано, хотел свежим воздухом подышать – голова разболелась. Потом собирался домой, отсыпаться... Как здесь оказался, никто не знает. Да, с Тамазом они никогда не пересекались, и общих знакомых у них не было...

– Вот видите, коллеги, каким опасным может быть свежий воздух, – печально сказал Юрий Петрович. – А поехал бы домой, выпил таблетку нурофена, да лег спать. Утром проснулся бы живой и здоровый...

– Да, если бы его не зарезали ночью, – захохотал Гнедин.

Эксперт развел руками.

– Я мало доверяю телевизионной рекламе, но даже она не связывает этот препарат с вечной жизнью!

– Ладно, все ясно, – сказал Лис. – Снимаемся.

На самом деле все по-прежнему было непонятно. Стало ясно только то, что третья машина с трупом объявится в самое ближайшее время. Так и получилось.

Через пару дней в уединённом районе лесополосы, близ Электромонтажников, был найден очередной автомобиль. На этот раз «Ауди Q4». К тому же сгоревшая, хотя труп оставался за рулём, и эксперты при вскрытии умудрились обнаружить в обгорелой плоти два ранения, проникающие в сердце. И снова никаких следов. Собака вообще не смогла работать, потому что вокруг воняло бензином и гарью. На этот раз убитым оказался Николай Сорокин – вроде бы бизнесмен, но каким бизнесом он занимался, так и осталось тайной. Ездил Сорокин по доверенности от хозяина, который уже умер, но и в период расцвета больше тысячи рублей в руках не держал, а следовательно, скопил на «Ауди» путем мер чрезвычайной экономии, опыт которой мог бы лечь в основу учебника и обогатить мир, если бы не преждевременная смерть потенциального автора. Пути Сорокина и других убитых водителей не пересекались, врагов у него не было, хотя в подобных кругах понятия «враг» и «друг» часто означают одно и то же.

Когда осмотр закончился, майор-криминалист Юрий Петрович отвел Лиса в сторону. Он выглядел старше своих лет, с морщинистым лицом, но ясными и даже горящими внутренним огнем глазами. Самое удивительное, что этот огонь относился к бескорыстному желанию раскрыть преступление, а не к появившейся возможности подделать заключение за пятьдесят тысяч рублей.

– Я все время про те следы думал, ну, помнишь, на берегу?

Лис кивнул. У него в голове перемешалось столько следов, гильз, имен и кличек, мотивов и ложных алиби, что он старался без особой надобности не ворошить эту гору.

– «Гелендваген» прямо возле воды, сыпучий песок, отпечатки хреновые получились, – Юрий Петрович сам раскопал гору воспоминаний, и Лису оставалось только включиться.

– Ну, ну?

– По-моему, это была девушка...

– Да ну?! С чего вы взяли? – удивился Лис.

– Обувь без каблуков, по типу балеток, потому она больше не на пятку, а на пальцы опиралась, а оттого косолапила: я на фотографии посмотрел – так и есть! И потом: мужчина в два ряда ноги ставит, а женщина не так: она в один ряд вышивает... Конечно, если взять моделей, артисток – у них это больше отработано, но даже если в детстве на танцы ходила, или интересовалась правильной походкой, то это тоже чувствуется.

– Да, интересно, – процедил Лис. Он вспомнил, как Ребенок специально отработывала перед зеркалом «подиумный» шаг. И у нее хорошо получалось.

– И мотив сразу меняется, – оживленно шептал Юрий Петрович, время от времени оглядываясь по сторонам, хотя рядом никого не было. – Не надо никаких врагов искать, никаких конфликтов, никаких совпадений! Эта девчонка «на живца» ловила!

– На себя, – уточнил Лис.

– Вот они все и оказывались в уединенном месте, только она-то до конца дело не доводила: он расслабился, губы раскатал, а она его: Раз! Раз! Снизу!

Лис молчал, кусал губы: в последнее время появилась такая привычка.

– Что скажете? – возбужденно спросил майор. Ему немного оставалось до пенсии и, конечно, хотелось напоследок выйти на громкое раскрытие.

– Да так картинка вроде ладно складывается, – медленно проговорил Лис. – Только это все равно что из снайперской винтовки уложить мужика со ста метров, а потом подбежать и карманы вывернуть! Зачем ей убивать? Зачем машину жечь? Выехали в безлюдное место, капнула клофелин в шампанское, он отключился, а она спокойно собрала вещи и ушла! Он на другой день ничего и не вспомнит, и заявлять не будет! Зачем такой страшный, кровавый огород городить? Ну, ладно, если водилу грохнуть, закопать, а тачилу спецам отогнать, номера перебить и продать на Кавказ, тогда кино другое получается, там миллионами пахнет... А так, как сейчас?

Лис сплюнул.

– Нет, не то! Тут способ цели не соответствует.

– Ну и что? Чтобы машины продавать да трупы закапывать, ей помощь нужна! Мужик нужен! А лучше – группа! А она одна... Вот и делает, что может!

– Спасибо, Юрий Петрович! – Лис пожал руку эксперту. – Мы вашу версию, конечно, отработаем. Может, найдем детали, которые всю картину в целое и соберут. В жизни ведь всякое случается.

– Это точно, – кивнул эксперт. Глаза его потухли. Он все понял.

Лис и неизвестный

Центральная аллея в Фурмановском парке. Клумба с незнакомыми ему красными цветами, похожими на клешни раков. Скамейка у мостика через пруд. Встреча должна произойти здесь. На скамейке сидела молодая мамаша, уткнувшись в электронную «читалку», машинально покачивала рукой коляску.

Лис прошел мимо, дошел до мостика, остановился, осмотрелся. Молодые пары, собачники, родители с детьми. Рыженькая воспитательница вела за собой колонну малышей – дети выстроились парами, держась за руки, и только один карапуз, самый последний, шел без пары и старался подставить ножку идущей впереди девочке с пышными бантами...

Никого подходящего не видно. Хотя что значит «подходящий»? К чему он должен подходить?

Лис вернулся к скамейке, пристроился на противоположном от читающей мамы краю. Уткнул локти в колени и приготовился ждать. Это место незнакомец выбрал не зря – люди, дети, аллея просматривается из конца в конец. Он хорошо знал, что может его здесь ожидать.

Звонок раздался вчера вечером.

– *Первый, как слышишь? Узнал меня?*

У Лиса отнялся дар речи. «Первым» члены банды называли Колдуна, а когда он его сменил – к нему перешло и это прозвище. Но с тех пор прошли годы, уже и банда перестала существовать, и все клички растворились во времени, а их носители переселились в такие места, откуда позвонить довольно трудно – в ад или тюрьму. Да никто никогда и не знал его координат, никто никогда не выходил на него! Только он мог звонить Координатору, реже – руководителям «пятерок», каждый раз с нового телефона, который использовался только один раз.

– *Что молчишь? Или язык проглотил?*

Руководитель первой «пятерки» сидел на героине и умер от «передоза», второй – осужден на восемнадцать лет за изнасилование с убийством, третий – убит в «крестобойне», Координатор пропал неизвестно куда... Лис думал – все сгинули, а нет, выходит... Скорей всего, это Уваров по кличке Вареник, которого взяли в Воронеже: он был весь переломан, уколов морфия требовал... И Лис ему их пообещал, даже дал несколько доз... Кроме оружия, Варенику ничего не доказали, так что он вполне мог уже и выйти...

– *Привет, Безмянный! Что-то ты не здороваешься, имя не называешь. Думаешь, у меня мало таких, как ты? Я вашего брата сотнями за забор отправлял. Неужели всех по голосам помню?*

– *Да нет, я из другой оперы. А голос спокойный! Это хорошо. Плохо другое – ты нас всех подставил и кинул на бабки. А это ни по законам, ни по понятиям не годится!*

Этот звонок застал его врасплох. Он не ожидал, что кто-то из колдунов сам выйдет на него. Это было даже не нахальство, а что-то более обидное, унижительное. Как если бы бандит заявился к нему домой, уселся за стол и принялся ставить условия: накормить, напоить, с женой спать положить...

– *И что, часто я вас подставлял и на бабки кидал?*

Неизвестный помолчал.

– *Да нет. Раньше к тебе предьяв не было. Но напоследок кидок ты заделал знатный. Надо отдать остальное! Иначе твои друзья-мусора очень скоро узнают, кто такой Колдун и с чем его едят.*

– *Приходи, заявляй! Завтра с трех часов как раз я прием граждан веду. Запишем все твои претензии... Там, кстати, эта... исковая давность не вышла?*

– Это не так смешно, как ты думаешь.

– Это вообще не смешно. Вот твои пугалки по телефону – они смешные. Если хочешь, давай встретимся, поговорим.

– Ага... А ты приведешь своих волков, и меня, конечно, вальнут при задержании...

– Вальнут тебя так и так. Пока ты болтаешь, твой телефон десять раз успели запеленговать, ты, считай, на мушке у снайпера.

– Не бери на понт... Никто ничего не пеленговал. Это разговор не для посторонних ушей, иначе ты тоже на мушке. Я ведь не зря про Колдуна сказал. Могу повторить, если кто не расслышал: Колдун – это начальник угро Коренев, оборотень в погонах. Ясно всем, кто слушает?

– Я понял, тебя. Ну, короче, чего ты хочешь? Мне некогда пустые терки тереть!

– Ладно, тогда слушай, где встречаемся... Завтра в двенадцать. Никого не приводи! И никаких стволов!

Из коляски стал доноситься рассерженный писк. Мамаша отложила в сторону «читалку», встала, поправила одеяло у малыша, потрясла погремушкой. «Тш-тш-ш... Ну что ты... тш-ш-ш...» Бесполезно. Малыш не успокаивался. Раскачивая коляску, она укатила ее по аллее.

Двенадцать пятнадцать. Таинственный собеседник не появился.

Он слишком неохотно согласился на эту встречу. И у него было время, чтобы все взвесить и передумать. Позвонить ему нельзя, входящий номер был скрыт. Да и нет уже ни той симки, ни того аппарата...

Лис переменил положение: оперся о спинку скамейки, закинул ногу на ногу и поправил пиджак, где в подмышечной кобуре ждал своего часа «левый» «ТТ». Железо не имеет нервов и эмоций, оно может ждать вечно. А он готов ждать вечно? Нет, не готов. Возраст не тот, и нервы уже не те...

Мимо прошел полицейский патруль – капитан, два сержанта, Лис услышал обрывки вялой беседы, хохоток... Капитан узнал его, застыл на секунду, но Лис движением пальцев показал: идите мимо, не останавливайтесь. Ушли.

Никто не придет. Его просто водят за нос. И это понятно. Он бы убил наглеца при первом возможном случае. Даже без случая. Прямо здесь, в парке, среди резвящейся детворы. Что-нибудь придумал бы, выкрутился... Ну, а как еще?! Тут – или, или...

А между тем... Лис посмотрел на часы. Уже двадцать минут первого. Время вышло. На «стрелки» вообще нельзя опаздывать – ни на минуту!

Он поднялся и пошел по аллее к задней калитке. Машину он оставил в кривом немощем тупике между глухим бетонным забором мясокомбината и густыми зарослями каких-то сорняков. Переулок был пустынным, вдоль забора валялись газеты, бутылки, смятые бумажные стаканы и еще какой-то мусор. Пахло мочой, запустением и бедностью, так что его «БМВ» с глухими тонированными стеклами, несмотря на свой возраст и несколько ушатанный вид, казался здесь символом богатства и благополучия. Как тогда, давно, когда он его получил.

Лис отпер дверь с брелка, опустился на сиденье, с каким-то запоздалым удивлением отметил, что сигнализация «чвакнула» непривычно коротким сдвоенным сигналом... И тут же понял, что он в машине не один.

– Руки на баранку, на самый верх. Ладонь на ладонь. Чтобы я видел.

Справа, под челюсть, уперлась холодная сталь. Грамотно! Если выстрелит, пуля выйдет из левой височной части, вырвав кость вместе с мозгами. Лис это точно знал – он повидал много всяких трупов... Повидал много всего, а на фуфло попался...

– И не дергайся, а то шесть грамм словишь. Мне терять нечего.

Немолодой мужчина сидел на заднем сиденье. Только это был не Вареник. Тот из уголовников, этот – нет! Не матерился, словечек жаргонных почти не говорил. А главное, блатной бы сказал: «Получишь маслину в башку!» А этот выразился специфически: «шесть граммов»... Военный – сто процентов: знает, сколько макаровская пуля весит... В зеркальце отражалось жесткое лицо, прикрытое козырьком кепки и темными очками. Черты не разобрать, но, скорей всего, это Координатор! На улице Лис бы его не узнал. Да и тот его – тоже. Он его вычислил! Довольно умело, кстати. И захватил просто, но эффективно... Лис и раньше подозревал, что он офицер, но тогда это не имело значения. А сейчас все, что с ним связано, очень важно. Жизненно важно!

Вытянув руку, Координатор запер водительскую дверь, быстро прихватил шею Лиса скотчем к подголовнику, отобрал ключи, телефон. Пошарив по одежде, нашел пистолет.

– Нетабельный, – усмехнулся он. – Это не для того, чтобы задерживать, это чтобы убивать! А договорились никаких стволов...

Лис молчал, сжав зубы. Скотч давил на горло, дыхание перехватило, перед глазами поплыли круги. Погоди, сказал он себе, не трепыхайся... Как та мамаша давеча: тш-ш, тш-ш, тш-ш-ш... Сопротивляться уже поздно. Беситься тоже. Успокойся, расслабься, пока сам себя не удавил...

– У тебя... У самого ствол... – сдавленно прохрипел он.

– Естественно. Потому что я вас слишком хорошо знаю.

– Я тебя... хрр... тоже знаю... Сидел, ждал... хрр, где условились... Ты не пришел.

– Пришел, как видишь. Значит, не там ждал...

Первый шок прошел. Лис попробовал спокойно оценить ситуацию. С одной стороны, Координатор не тот человек, чтобы попусту размахивать пистолетом. С другой, если бы хотел убить – шмальнул бы в затылок – и все. Значит, не за тем пришел.

– И что теперь? – он изо всех сил вжал затылок в подголовник, дышать стало легче.

– Теперь отдавай долг! Три ляма за тобой. Ну, ладно, ребят нет, делить не с кем, давай два, а один оставь себе. По-моему – это справедливо! А не так, как ты хотел – шмальнул, свалил, и в дамки!

– У меня нет денег, – прохрипел Лис сквозь зубы. – Меня самого кинули!

Координатор на какую-то секунду растерялся, не нашел что ответить. И тут же психанул.

– За эти деньги трое ребят в землю легли, да еще четверо на больничку работают! – он сбоку ударил Лиса по голове пистолетом. Подголовник частично защитил, но все равно, прилетело прилично – в горле что-то треснуло, булькнуло, перед глазами опять закружились цветные колеса.

– А тебя, как нарочно, самого кинули! Руки, сказал!! Самый умный нашелся?

Лис молчал. Координатор тоже.

– Короче, собирай деньги по своим тайникам, – наконец, сказал он. – Или ты по полной расплатишься... Имей в виду, я получше тебя обучен, если что...

Рядом послышались голоса – несколько человек в замызганных рабочих комбинезонах, покачиваясь, прошли мимо. Ствол пистолета крепче вдавился под челюсть, будто крючок, вытаскивающий из воды пойманную, но еще сопротивляющуюся рыбину. Рабочие прошли вперед и остановились у забора, задрав головы кверху, как будто ожидали манны небесной. Но вместо манны из-за бетонных плит вылетели один за другим два увесистых свертка в грубой, перехваченной шпагатом оберточной бумаге. Они тяжело шлепнулись на дорогу, подняв клубы пыли. Работяги схватили их и, оглядываясь, быстро пошли прочь.

– Каждый воробушек что-то клюет: кто крошку, кто мушку, кто зернышко, кто комарика. Кому как повезет, – философски сказал Координатор.

А он не глуп и профессионален! Лис никогда об этом не задумывался, а ведь все дела он проводил чисто, выполнял инструкции точно, срывов у него практически не было...

– Ладно, подумаем над крошками, – с трудом выдавил Лис. – А сейчас нам надо тихо-мирно разойтись. Отпусти меня... И сваливай куда-нибудь скорее.

Жесткое лицо Координатора с глазами, укрытыми за стеклами солнцезащитных очков, прижалось к подголовнику и застыло в зеркале. Лицо было загорелым, а еще только май.

– Может, скажешь еще, куда мне сваливать? – проговорил он глухо. Пожалуй, даже растерянно.

Лис его понимал. Координатор одинок, как и он сам. Недоверчивый, озлобленный, опасный, матерый волк-одиночка... Какого-то особого сочувствия этот факт не вызывал, но... Все-таки это он спас ему жизнь, устроив «крестобойню»...

– Гостиницу я не держу. И убери этот скотч, а то задохнусь...

Некоторое время Координатор продолжал сверлить глазами затылок Лиса. Думал.

Прошла минута. Упирающийся в шею ствол исчез, вслед за ним из зеркала пропало лицо Координатора. Хлопнула задняя дверца... В окне Лис увидел, как Координатор обошел машину и, не глядя в его сторону, пошагал вдоль переулка. Увидев его, рабочие бросились бежать. Но Координатору не было дела до хищений мяса, и он, естественно, их преследовать не стал. На мгновение задержался, швырнул какой-то предмет в кусты и, не оглядываясь, двинулся дальше. Мудак! Ему плевать, если его, бывшего Первого, задушит этот бл... скотч, впившийся в горло повыше кадыка!

Лис сунул руку во внутренний карман пиджака и вынул черный прямоугольник размером с кредитную карточку. Получить деньги в кредит по ней было нельзя, кровь – можно... Но сейчас требовалось нечто гораздо большее – взять в кредит жизнь! Он сложил карточку по предусмотрительно проделанным складкам, и в руках оказался... нож с остро отточенным лезвием длиной шесть сантиметров и жесткой, но довольно хлипкой рукояткой, которая, впрочем, в данной ситуации особой прочности и не требовала. Такие штуки свободно продаются в магазинах и стоят недорого – меньше тысячи... Лис быстро перерезал скотч и принялся жадно хватать воздух полной грудью. Правильно некоторые говорят: «Нож никому не помешал, а помог многим...» Хотя не все с этим согласятся: если кому-то помог, то кому-то помешал! Но не сейчас.

Надышавшись, он сбегал к кустам и нашел там свой «ТТ». Потом несколько минут искал обойму – Координатор оказался очень предусмотрителен, и за это время наверняка, успел далеко уйти... Куда только он направляется? В просторном костюме маскировочного цвета, с множеством накладных карманов – и оружие легко спрятать, и гранаты, и патроны... Хоть бы до этого не дошло...

Завел мотор, медленно поехал в центр. Руки почему-то дрожали. Раньше после таких напрягов этого не было. Откуда же взялся кредитор из прошлого? Где-то отсиживался столько времени – там, где солнечно, комфортно и безопасно, а потом вдруг вернулся! И не просто вернулся – спецом: найти бывшего командира и отобрать у него деньги... И нашел ведь! Только денег у него и правда нет: тысяч двести долларов в рюкзаке на антресолях...

И что же теперь делать? Претензий к Координатору никогда не было, работал он без замечаний, в крысятничестве не замечен, банду держал в повиновении... Если бы не он, то в усадьбе Креста его бы и замочили, может, действительно бы на куски порезали. И пять лимонов он ему действительно обещал, хотя когда сидишь в смертном подвале, еще не такого наобещаешь... Но сразу же после «крестобойни» он ему предъяву не сделал! Значит, все было ровно, и запасы имелись, и нашел хорошую норку... А недавно что-то случилось: норку разорили, запасы исчезли, вот он и приехал свое забрать... С одной стороны, он прав. С другой – чуть не задушил, пистолетом по голове ударил, убить грозился... Но пистолет

не забрал – в их кругах это оскорбительно, значит, вроде, как уважение проявил... Так что теперь, в задницу его целовать?!

Какая-то старушка, глядя в противоположную сторону, бросилась под колеса, он едва успел затормозить и возмущенно просигналил.

Когда он приехал в Управление, майор Иващенко чуть ли не до пояса вылез в окошко дежурной части:

– Что с вами, Филипп Михайлович? У вас кровь на шее!

– Побрился неудачно, – любезно ответил он и пощупал рукой – мокро. Твою ж мать! Достал платок, приложил.

– Чем же вы бреетесь? Опасной бритвой, как в итальянском кино?

– Вроде того...

Глава 5

Люди и Цифра

*Держи друзей близко, а врагов еще ближе, особенно, когда это
одни и те же люди.*

(Поговорка итальянской мафии)

Цифра

Сегодня Света Калабашкина оделась строго, но нарядно: слегка расклешенные черные брюки, черный жакет, белая блузка с кружевным воротником, легкий шейный платок – белый в черный горошек, удобные балетки без каблука. Подкрасила ресницы – контрастно, но умеренно, слегка тронула губы светло-коричневой помадой. Посмотрела на себя в зеркало и осталась довольной. Перекинула сумку через плечо, отметила, что слишком тяжелая, вынула кое-что, сунула в ящик серванта. Теперь другое дело. Вызвала такси и поехала в «Аквариум».

Она уже привыкла сюда ходить, но своей здесь не стала. Лощеные официанты Марат и Артур встречали ее приветливой улыбкой, но сажали, как правило, на веранде, а не в «тусняке» – атриуме, под стеклянной крышей, с плавающими разноцветными шарами, и не в уютном уголке, отделенном от всего зала огромным аквариумом, в котором плавали средиземноморские рыбы, а по дну деловито лазали огромные камчатские крабы и сонные омары.

– Там все заказано заранее, – пояснил как-то Марат на ее вопрос. – Резерв для уважаемых гостей...

Буднично так пояснил, парой слов, как небрежным движением руки отделив ее от «уважаемых гостей» и приобщив ко всем остальным. «К быдлу!» – отметила Цифра и представила, как выплескивает на выглаженную белую рубашку с бейджиком «Марат» фужер чистого спирта и чиркает зажигалкой. И как воет этот высокомерный чертила, как носится по всему залу огненным столбом, как переворачиваются столы и летят на пол рыбы и морские гады по две-три тысячи за порцию, как вскакивают эти бл... и страх пробивается все-таки на их искусственно-безразличные физиономии... Все эти «Миледи», «Рок-н-роллы», «Башмачки», «Матросики» и прочие телки, у которых нет ничего такого, чего бы не было у нее! Но они «центровые» и привыкли, что официанты сажают их на лучшие места и обслуживают с большим вниманием, чем всех остальных. Во всяком случае, с большим вниманием, чем ее, Свету Калабашкину, которая повидала в своей жизни в тысячу раз больше, чем все они вместе взятые!

А ведь она предпринимала попытки с ними сблизиться! Несколько раз подходила, спрашивала сигарету или зажигалку, ей с холодным безразличием придвигали пачку или изящный прямоугольник – спасибо, кивок, *пожал-ста...* Миледи вообще не поворачивала голову в её сторону, только один раз спросила: «Эй, подруга, ты эту кофточку на Темернике купила? Шикарная вещь!» И все засмеялись. Только Башмачок не смеялась: она всегда была сосредоточенной – садилась в проходе, нога за ногу, покачивает на пальцах полуснятой туфелькой, а на подошве что-то написано. Света вначале думала, что она в ремонт обувь отдавала – когда-то маман меняла набойки, так ей тоже написали на подошвах химическим карандашом какие-то каракули. Но потом она разобрала надпись: «300 \$» и поняла, что это не за набойки... Башмачок долго не засиживалась со своим коктейлем: ее уводили, в основ-

ном, солидные мужчины, иногда она через час-полтора возвращалась и снова сидела, качала своим башмачком...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.